

Приложения.
Заметки
и работы
1972–1973 годов

Заметки и работы 1972–1973 годов

Заметки к лекциям 1972 года*

22 февраля.

План лекции

1. Итак, была задана сложная конструктивная и структурная единица моего моделирующего языка. Она должна соответствовать как синтагматике, так и парадигматике (рис. 01).

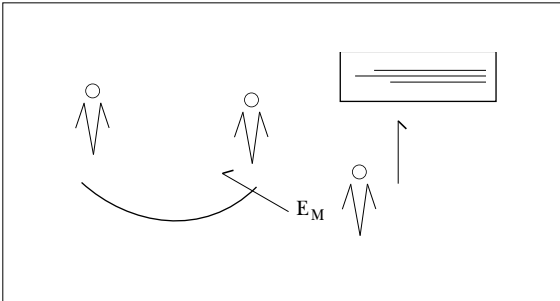

Рис. 01
Способ задания этой
единицы-элемента

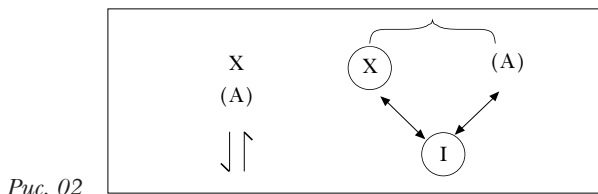
2. Эта единица чего?

- а) формальное задание элементов-фигур;
- б) задание правил оперирования с ними: сборки и композиции или преобразования;
- в) смысловые или денотативные интерпретации, позволяющие рассматривать эти элементы как знаки и содержательно определять правила их развертывания.

* Рукопись. Арх. № 3516, 3631–3653.

В какой мере все эти предположения извлекаются из наших опытных представлений (здорового смысла) и в какой мере, наоборот, навязываются конструктивной процедурой?

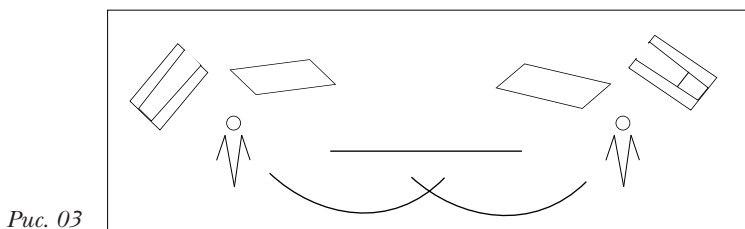
Все кажется очевидным (рис. 02):

1. Самое главное состоит в том, что процесс понимания (или просто «понимание») во многом независим(о) от значений и организации их в композиции. Точнее, понимание не сводится и не может свестись к организации значений, очень часто оно строится на оппозиции к фиксированному значению.

2. Этот момент объясняется, с одной стороны, многоплоскостью нашего мышления и понимания – тем, что у нас всегда дан объект или дано объективное содержание, к которому осуществляется отнесение формы, а с другой стороны, множественностью систем значений и отсутствием прямой и непосредственной связи между определенным синтагматическим текстом и парадигматическими системами, с точки зрения которых он понимается.

Проще говоря, синтагматический текст всегда построен в иной парадигматической системе, нежели та, с помощью которой он понимается (рис. 03).

И в этой ситуации дополнительно введенное представление о ситуации и целостном смысле, который, по предположению, должен быть выделен, служит основанием для выявления значений или даже парадигматических систем значений. Другими сло-

вами, какие-то значения определяются или доопределяются за счет лакун в единой системе смысла. Поэтому мы можем выносить суждения примерно такого типа: «Ага, так вот что он имел в виду, когда говорил это. Вот, оказывается, какое у него понимание всей этой штуки» и т.п. Здесь представление о понятии или угаданном объекте служит основанием для суждения о значении или знании другого человека. Но нельзя забывать, что именно объект через его представление выступает здесь как характеристика или показатель значения или знания.

Здесь, правда, встает все та же формально-категориальная проблема анализа, описания и моделирования объектов, представляющих собой связку формы и содержания или проекцию этой связки через один из элементов¹.

29 февраля.

Номинативный комплекс и синтагма

1. За счет чего в синтагме появляются новые смыслы и значения?

Сейчас мы уже знаем, что смысл порождается актом коммуникации и понимания.

Здесь есть определенные соотношения между известным и сообщаемым.

Но «известное» реализуется по отношению к «объекту», поэтому первая часть формы должна рассматриваться нами как соотнесенная.

2. Но возникающий здесь смысл должен быть еще понят. А для этого нужны специфические средства, соответствующие этому смыслу.

Поэтому я могу сказать, что синтагма $(A) - (B)$ превращается в форму $S - P$, но при этом я буду просто отождествлять $(A) - (B) \Rightarrow$ золото – металл $\Rightarrow S - P$ (здесь два разных отождествления), но при этом я что-то опускаю и не доделываю в этих отождествлениях, а кроме того, не могу объяснить, как возникает то, что я фиксирую в этой схеме, из того, что я называл номинативным комплексом.

Значит, все дело в том, чтобы тонко зафиксировать различия одного и другого, пользуясь схемой многоплоскостного знания.

---

¹ [См. Г.П.Щедровицкий. «Языковое мышление» и его анализ // Вопросы языкознания. 1957. № 1; см. также: Проблемы исследования систем и структур. М., 1965].

Иногда одну группу составляют проблемы процессов понимания, другую – рефлексивного осознания и фиксации понимаемого смысла.

Но все это лежит за границами исчисления связей, которое должно быть формализовано.

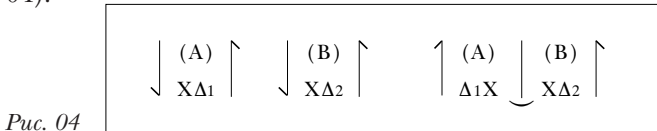
28 марта.

Заметки к лекциям

1. Я рассматривал условия появления номинативного комплекса и превращение его в синтагму, т.е. в цепочку с предикативной связью. (Опыты Н.Х.Швачкина.)

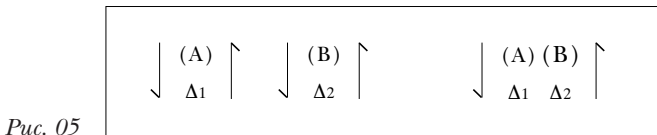
2. Повторим это еще раз, более подробно.

1) Подведение под имя или образование знания (A) – (B) (рис. 04).

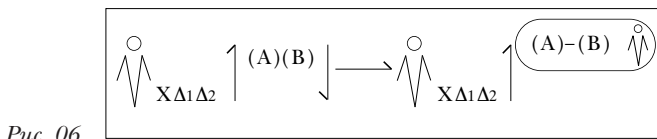

2) Конъюнкция или одновременное употребление; конъюнкция или связь операций

3) Появление нового сложного «класса» – развитие «средств» или новое знание (рис. 05).

4) Коммуникация (рис. 06).

Специфическая роль второго, принимающего сообщение: условия приема и понимания сообщения растягивают номинативный комплекс в синтагму – «то, что A, есть B».

5) Появление связи (в отличие от конъюнкции) и необходимость придать ей определенный статус. Что представляет собой эта связь для принимающего сообщение? Ответ на этот вопрос определяется тем, что будет делать индивид, получивший сообщение.

6) Специфичность действия принимающего сообщение

а) Общая ситуация. Фиксируемый объект дан обоим непосредственно (рис. 07).

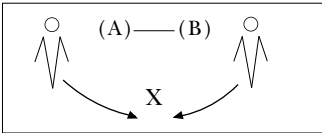

Рис. 07

б) Две ситуации. Сообщение связывает их в одну ситуацию. Объект дан только первому и не дан второму (рис. 08).

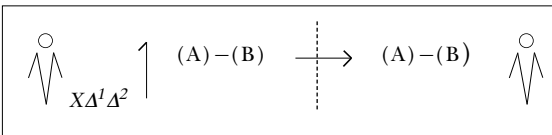

Рис. 08

в) Деятельность второго зависит от имеющихся уже у него в наличии *средств* (рис. 09).

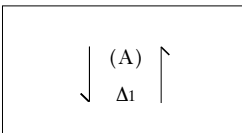

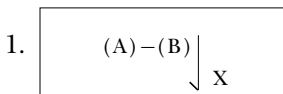
Рис. 09

7) Проблема связи, возникшей благодаря отношению предикации. Проблема доверия и проверки. *Необходимость.*

8) Смысл связи – как индивид восстанавливает смысл. Соответствия между смыслом связи и употреблением ее. Условия восстановления смысла. Характер самого смысла.

9) Процедуры исследования или имитации: как мы восстанавливаем объективное содержание.

10) Типы употребления (рис.0 10):

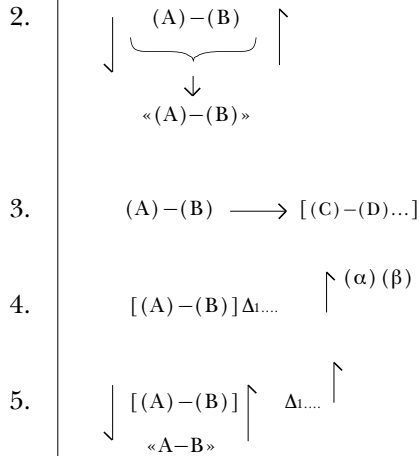

Рис. 010

11) Процедуры восстановления объективного смысла.

4 апреля

1. Понимание и смысл определяются актами деятельности, а следовательно, мы можем реконструировать это, описывая операции и средства.

2. Само понимание связано с определенными отнесениями, которые мы производим, создавая те или иные предметности.

3. Но затем эти смыслы, превращенные в кинетические предметы, должны быть «подняты» в парадигматику, зафиксированы в ней.

Для этого требуется особая рефлексия (чего?)

смысла,
 предметности,
 структуры формы. } Или чего-то другого?

6 апреля.**[О предложении в тюркологии]**

Тюркология погрязла в проблемах. Нет системы категорий (К.М.Любимов. 3000 спрягаемых форм). Описание и классификация (Э.В.Севортян: «Классификация – топтание на месте»).

Сложное слово → словосочетание → предложение. Как «идут» слова друг за другом: «соположение»? Пример с игрой в puzzle.

Слово → словосочетание → придаточная конструкция?

Что значит объяснить происхождение (Н.К.Дмитриев, Н.А.Баскаков, Г.П.Мельников, Б.А.Серебренников, Н.З.Гаджиева)?

Как может «происходить» языковая конструкция? На уровне речи или языка?

Именное соположение. К нему надо свести все другие сложные...

Сведение к индоевропеистике. Что можно «увидеть» в предложении?

7 апреля.

Атрибутивные структуры (1)

1. Когда ребенок строит сообщение (А) (В), то фокусом его работы является конфликтный объект: именно к нему применяются операции сопоставления, и их результаты, определяемые характером объекта, фиксируются в сообщении.

При понимании полученного текста фокусом деятельности (и сознания) становится *соположенность* знаков (слов) в сообщении, смысл их объединения и определяемый этим объединением смысл каждого.

Сообщение с самого начала воспринимается как некоторое единство, а следовательно – как некоторый единый смысл. Но сам этот смысл определяется тем, как мы поймем *соположение знаков сообщения*.

2. Из этого следует, что понимание, подобно мышлению (и это подобие естественно, ибо понимание должно восстановить и развернуть то, что создало и свернуло, выразив в тексте, мышление), представляет собой сложное, многовекторное (или структурное) движение: второй знак сообщения соотносится и связывается с первым, но при этом вся знаковая форма сообщения соотносится с содержанием, и отнесение второго знака к первому является лишь моментом и средством в отношении к объектам и объективному содержанию; первый знак выступает здесь как посредствующий элемент, и точно так же сама предикативная связь в ее определенном смысловом истолковании выступает как опосредствующая отношение и связь второго знака сообщения с содержанием.

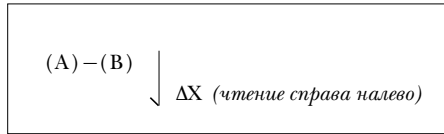

Рис. 011

Но это означает вместе с тем, что связь предикативности запрещает независимое отнесение знака (B) к объектам, минуя знак (A), а также то, что она приписывает первому знаку, т.е. знаку (A), особую роль при установлении связи знаковой формы с объектами: только знак (A) теперь обладает функцией метки.

Поэтому сообщение с предикативной связью может и должно *противопоставляться* номинативному комплексу, в котором каждый знак сообщения относится к объектам сам по себе, либо независимо от результатов предыдущих отнесений, либо выделяя последовательность совокупностей (или групп), которые затем объединяются в одно целое, либо уже в зависимости от результатов предыдущего только к совокупности, выделенной предыдущим отнесением (рис. 012).

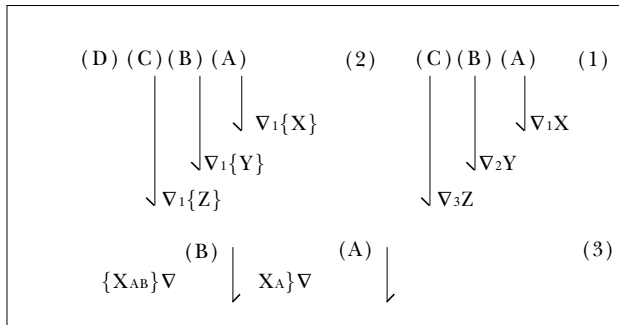

Рис. 012

Все эти случаи объединяются в одну группу тем, что каждое новое отнесение меняет объект, либо расширяя его, либо сужая его, но все равно меняет.

В сообщении с предикативной связью, т.е. в синтагме, объект создается и фиксируется первым знаком, и никакие дальнейшие развертывания сообщения не могут его изменить. Поэтому мы и говорим о запрещающей функции предикативной связи, а также о тех воздействиях и влияниях, которые она оказывает на компоненты значений и на общие суммарные значения всех знаков сообщения.

Но весь этот смысл предикативной связи должен быть еще *понят* и *осознан*. И происходит это, во-первых, благодаря реальным отнесениям второго знака, т.е. (В), к объектам, во-вторых, благодаря многочисленным ошибкам в этих отнесениях, в-третьих, благодаря выделению того (единственного или множественного) отнесения, которое не приводит к содержательным ошибкам (либо само по себе, либо с точки зрения дальнейшего развития языково-мыслительных форм), в-четвертых, благодаря выделению того содержания, которое соответствует предикативной связи, из всех других содержаний, в-пятых, благодаря фиксации свойств или признаков предикативного отношения либо в том плане, что оно меняет значения связываемых им знаков, либо в том плане, что оно само создает новый смысл.

Отношение предикативности (2)

1. Главная задача – разделить все те смысловые, а затем и содержательные моменты, которые характеризуют отношение предикативности, или, точнее, все те синтаксические и морфологические формы, которые *вырастают* из отношения предикативности.

2. Один из таких моментов – связка или «связочность», выражаемая нередко глаголом «быть».

8 апреля.

Понимание, мышление, структура текста (1)

1. Кардинальным и решающим фактом является то обстоятельство, что знаковый текст *несимметричен относительно мышления и понимания*; для того, чтобы понять, а это значит – восстановить объективное содержание и смысл, соответствующий объективному содержанию, нужно иметь специальные знаки или отметки в тексте, регулирующие понимание и обеспечивающие его адекватность объективному содержанию.

Метазаметки по поводу предикативной связи (2)

Я сам, в своем анализе, используя введенные модели, а также определенный метод их анализа (который должен быть описан), могу выявить и выявляю самые разнообразные свойства предикативной связи.

При этом мои модели могут быть лингвистическими, семиотическими, деятельностными или даже «деятельностно-созна-

тельными», и в зависимости от того, на какой модели я буду работать, будет получаться более или менее богатое описание предикативной связи.

Я могу также в своем рассуждении учитывать и имитировать развитие структур, либо же – не учитывать и не имитировать; возможности каждого метода должны быть дополнительно определены.

При этом, если я учитываю и имитирую развитие, то неизбежно встает вопрос о механизме генетического развертывания и, в частности, о роли в нем сознания и рефлексии.

Именно этот пункт оказался для меня наиболее трудным. Ведь, по сути дела, чтобы объяснить на уровне определенного объективного содержания те смыслы, которыми пользуется современное языкознание, я должен построить структурную, иерархизованную модель того, что они называют предикативной связью. Исходя из общих соображений, я знаю, что «предикативная связь» – сложное образование из ряда различающихся парадигм и из множества разнообразных, полных и вырожденных, объектов (здесь вступает в дело принцип множественности объекта) (рис. 013):

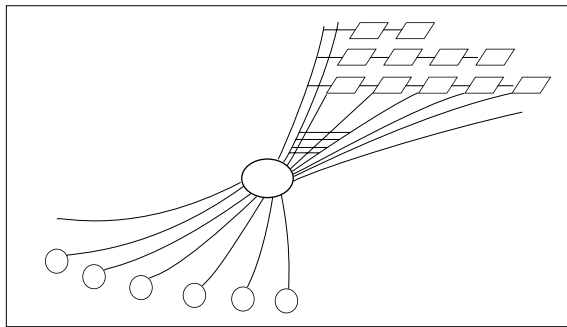

Рис. 013

Но, понимая это, я не знаю, сколько именно структурных элементов и уровней существует у этого объекта, я должен еще построить эту модель в ее конкретном обличье.

И именно здесь мне приходится прибегать к двойной процедуре: 1) разделения и сведения того эмпирического смысла, который заложен в представлении о предикативной связи, и 2) выведения тех форм, которые должны составить элементы модели, и их связей с помощью представлений о генетическом механизме развития деятельности, мышления, языка (у этого процесса много разных механизмов).

9 апреля.

Атрибутивные структуры (1)

1. Из всякой ситуации понимания с затруднениями возможно несколько выходов.

А. Поиск того объекта или группы объектов, которые могут соответствовать данному сообщению.

В. Поиск того нового объективного содержания, которое может быть приписано данному содержанию.

2. Выбор того или иного из этих направлений, а вместе с тем и соответствующей ему позиции, определяется теми средствами, которыми владеет индивид, а следовательно, может рассматриваться относительно средств и безотносительно к той или иной психологической реальности.

3. В обоих случаях создается определенный смысл, который задается *средствами понимания*, детерминирующими способ конструирования объективной действительности и способ отнесения к ней знаковой формы содержания.

4. Одна из таких форм – сравнение или сопоставление двух объектов, фиксируемое в форме сообщения (рис. 014).

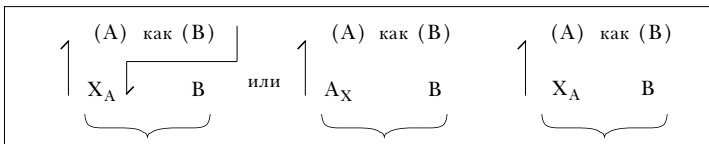

Рис. 014

В этих случаях предикативность еще даже не перенос свойств, а замещение одного другим или выражение одного в другом. Именно здесь отношения начинают выступать в роли характеристики.

Далее развитие этой формы связано, по-видимому, с несимметричностью отношения замещения либо относительно практики, либо относительно свойств.

А само выражение может происходить либо на уровне «вещь – эталон», либо на уровне самих эталонов.

Понимание (2)

Ведь, по сути дела, мы должны получить формальный механизм, который позволил бы нам разворачивать отнюдь не описательную теорию, а модель и теорию, построенную на основе ее.

Значит, здесь мы должны получить ответы на вопросы:

а) из чего и б) как могут быть извлечены те смыслы, которые мы приписываем предикативной связи. При этом сам индивид, получающий сообщение и старающийся его понять, выступает в роли одного лишь элемента в механизме, создающем эти смыслы: ведь производство их – дело всего человечества.

Но, опять-таки, эти ответы на эти вопросы нужны нам не в описательном смысле, не для точного описания того, как это «на самом деле» происходило, а для того, чтобы найти некоторые регулярно повторяющиеся механизмы, которые мы могли бы использовать в качестве принципов и правил развертывания наших моделей.

Поэтому весь эмпирический материал, когда мы приводим примеры детей и возникающие у них затруднения, должен иллюстрировать лишь неадекватность (дефициентность) форм, но ни в коем случае не может рассматриваться как материал, показывающий способы и механизмы выхода из этого затруднения, т.е. средства и механизмы генезиса.

Рефлексия и новообразования (3)

Мы знаем несколько основных процедур (и ситуаций), позволяющих создавать нечто новое:

- 1) Замещение одного объекта другим;
- 2) Выражение объективного содержания в определенной знаковой форме (рис. 015). Знаковая форма рассматривается как модель объекта.

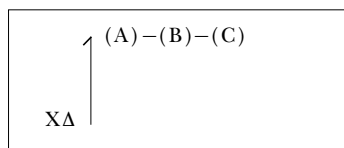

Рис. 015

3) Фиксация отношения, созданного замещением или выражением, в субстанциальной форме, включаемой в новую систему и благодаря этому получающей новый смысл;

4) Замещение новой конструктивной или оперативной системой;

5) Создание новых операций и рефлексия их.

Суть проблемы в вопросе: что может дать рефлексия? Если это только *отражение* и *фиксация* того, что уже сложилось, то, следовательно, в материале ситуации мы должны получить все, что

потом будет осознано как связь предмета и свойства. Если рефлексия не сводится только к осознанию и фиксации того, что сложилось и должно сопоставляться, то, спрашивается, откуда берется то принципиально новое, что несет с собой рефлексия.

Конкретно это – вопрос, откуда берется категория вещи и свойства, оформляющая предикативную связь (A) – (B).

В принципе мы уже давно имеем ответ на этот вопрос. Мы разделяем объективное содержание и форму, утверждаем, что как содержание, так и форма создают смысл, а следовательно, в потенции – и новое содержание.

Но для этого *отношение и связь* между формой и содержанием должны стать объектом и предметом специального анализа.

12 апреля.

Заметки после лекции

1. Анализируя ситуацию коммуникации, в которой сообщение, заданное в виде номинативного комплекса, должно превратиться в синтагму с предикативной связью (рис. 016), я должен, зафиксировав «растяжку» знаков (A) – (B) благодаря естественным механизмам понимания и возникновение проблемы и задачи восстановления смысла и содержания сообщения, перейти затем к анализу всех возможных форм понимания и смыслообразования. При этом нужно исходить из тех ассоциативных связей, которые уже имеются у участников акта коммуникации, или – в более общей форме – из имеющихся в парадигматике конструкций значения и других средств.

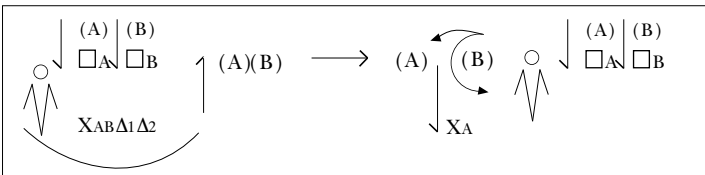
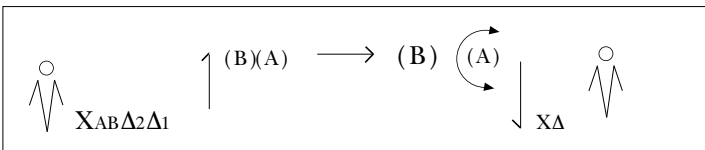

Рис. 016

Возможно, это надо изображать так (рис. 017)

или так

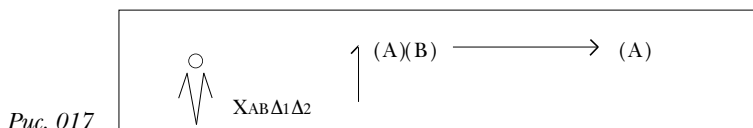

Рис. 017

Но тогда устанавливается весьма характерная асимметричность (или расхождение) между тем смыслом, который может быть восстановлен индивидом, получающим сообщение, на основе имеющихся у него средств, и тем новым содержанием, которое было зафиксировано в сообщении первым индивидом, составившим его. И именно на сопоставлении этих двух планов – содержания сообщения и его смысла – мы и строим свой анализ: находясь во внешней позиции исследователя, мы задаем определенные изменения в области объектов, операций (т.е. действий сопоставления) и содержании знаний, а затем смотрим, при каком наборе средств и какой организации знаковой формы сообщения возможно восстановление *того же содержания* и соответствующего ему смысла.

Примечание. Из этого, между прочим, следует, что средства понимания и организация знаковой формы сообщения взаимно дополняют друг друга; организация знаковой формы исходит из наличных средств понимания и должна передать структуру содержания с учетом этих средств.

Очень важно четко зафиксировать последовательность рассмотрения привлекаемых нами к анализу плоскостей: в какой-то мере они должны имитировать последовательность осознания ситуации тем, кто создавал новые средства.

Итак, мы рассматриваем ситуацию, в которой заданы определенные отношения объектов и операции мышления (1-я плоскость), знаковая форма сообщения (2-я плоскость), средства понимания (3-я плоскость) и вся ситуация рассматривается с точки зрения процедуры понимания (рис. 018).

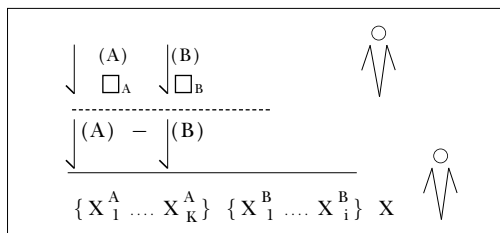

Рис. 018

Два вопроса могут здесь обсуждаться.

1. В какой организации знаковой формы можно и лучше всего зафиксировать различие всех содержаний, существующих в данной группе объектов и при данных операциях.

2. Как могли быть произведены (и даже сконструированы) эти знаки и структуры их организации «производящей службой».

В связи с этим важно также отметить, что синтагматические структуры приводятся в соответствие с содержательной плоскостью ситуации, а «рост» и «развитие» в точном смысле этого слова происходят в парадигматике.

18 апреля.

Атрибутивно-предикативные структуры.

К плану лекции

1. Резюме (рис. 019).

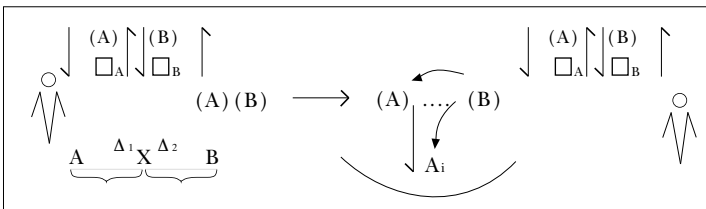

Рис. 019

В этом пункте мы переходим от анализа и описания конкретной ситуации (примеры и иллюстрации) к анализу абстрактных возможностей

- а) поведения
- б) деятельности
- в) понимания
- г) мышления индивида 2.

Чтобы осуществить такой анализ, мы должны перейти в совершенно особый, обобщенный план анализа; мы должны иметь ту *действительность*, в которой разворачиваются эти возможности. В данном случае это будет сразу несколько действительностей, которые мы будем комбинировать,

- а) рече-языковых структур
- б) мышления
- с) понимания
- д) деятельности.

Важно, что мы одновременно учитываем и сопоставляем

- а) средства
- б) конфигурации объектов или «положения дел».

Из сопоставления того и другого мы должны извлечь представления о смысле и его структурах.

Не менее важно также то, что мы используем здесь требования к значениям знаков.

2. Итак, перед нами – в соответствии с анализом левой части ситуации и мышления индивида 1:

- а) объекты A_i ,
- б) объекты B_i ,
- с) совокупность $\{A\}$,
- д) совокупность $\{B\}$,
- е) конфликтная вещь XAB ,
- ф) возможная совокупность $\{XAB\}$.

Исходя из общей позиции, т.е. анализа возможностей, мы намечали альтернативы:

- 1) знаки (A) и (B) рассматриваются отдельно,
- 2) знаки (A) и (B) рассматриваются как элементы единого сообщения (рис. 020).

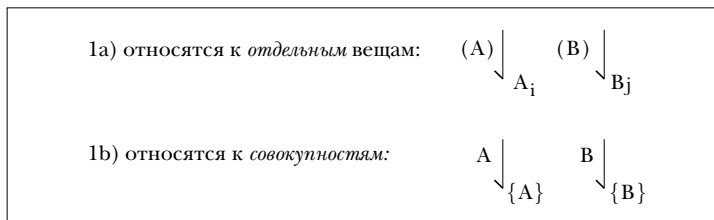

Рис. 020

3. Если знаки (A) и (B) рассматриваются как элементы единого сообщения, то они должны относиться к объектам (или объективному содержанию) как к целому, а это значит, что второй знак (B) должен относиться к объектам и объективному содержанию через первый знак (A) . Следовательно, установление отношения и связи знака (B) со знаком (A) становится условием и средством отнесения знака (B) к объектам, а вместе с тем – отнесения к объектам синтагмы $(A) - (B)$ как целого. Иначе говоря, чтобы отнести знак (B) к объектам, нужно отнести знак (B) к знаку (A) , связать их. И обратно, чтобы быть отнесенным к объектам, знак (B) в качестве элемента синтагмы должен быть отнесен к знаку (A) ; вместе с тем, чтобы войти в связь со знаком (A) , знак (B) должен изменить свои значения.

4. Итак, мы можем предположить образование синтагмы (A) – (B), или, точнее, структуры (рис. 021):

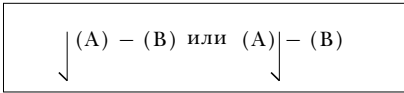

Рис. 021

Это явление может рассматриваться по-разному:

а) в контексте моделирующего псевдогенетического развертывания

б) в контексте учения и усвоения

в) в контексте естественного происхождения.

В контексте моделирующего псевдогенетического вывода мы должны:

1) наделить нашу новую структуру *моделирующим смыслом и содержанием*;

2) установить основания и регулярные процедуры такого надделения, во-первых, сводя новую структуру к исходным элементам и структурам, а во-вторых, выводя ее из них и одновременно фиксируя правила сведения и выведения.

У меня есть, следовательно, методика. А в целом это – инженерно-конструктивная процедура.

Но у нее *почему-то* есть *определенные правила*.

25 апреля.

Заметки к лекциям

1. Двойственность возможного рассуждения: 1) с позиций исследователя, 2) с позиций деятеля (см. рис. 018).

Необходимо достичь «уравновешенности» за счет уровней С и П. Сохранить все, что уже было (прогрессивное развитие содержания). Иметь возможность дальнейшего развития.

2. Сведение – выведение как *метод* или *процедура* надления смыслом и содержанием второй схемы.

3. «Пространство» конструктивной работы (рис. 022).

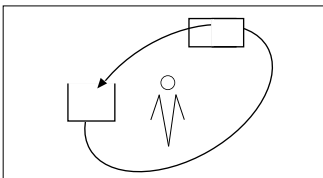

Рис. 022

Все, что нужно для конструктивной деятельности, имеется в сознании и в наличных средствах действующего человека: они могут быть представлены объективно, т.е. как необходимые объекты и содержания.

Трактую конструктивную процедуру сведения и выведения – как моделирование.

16 мая.

Заметки к лекции

1. Моделирование, как я его представил, в первом срезе выступает как *наделение создаваемой нами конструкции смыслом*.

Существует, как это ни странно, очень строгая процедура, осуществляющая все это: она состоит из согласованных взаимно-обратимых процедур сведения и выведения (рис. 023).

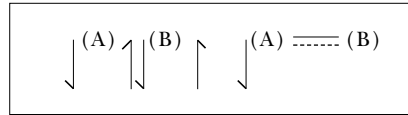

Рис. 023

Это – не реальный механизм, а наша методическая процедура наделения «модельным»; лишь в дальнейшем мы сможем соотнести ее с реальным механизмом исторической эволюции, реализующейся через деятельность.

2. Процедура отождествления и отрицания тождества.

А. Новая структура может собираться только из уже имеющихся элементов (единиц и фигур);

В. Новая структура содержит образования, несводимые к прежним;

С. Новые образования

$\underbrace{\hspace{10em}}$ материальное функциональное	= старым ≠ не старым
--	-------------------------

Новые образования – старые по материалу и новые по функции. Впоследствии функция изменит материал. Новые образования возникают как отражение (*замещение*) старых.

3. Рефлексивная оценка процедур сведения и выведения и их взаимного отношения.

17 мая.

Заметки после лекции.

Связь как компонента системы

1. Не было достаточно подчеркнута отличие того, что является связью в моих схемах (фигура, смысл, значение, способы оперирования), от того, что является связью в реальности описываемых таким образом речи и мышления.

Именно характеризуя последнее (при наличии определенной формы выражения), мы вводим четыре слоя категории системы. По сути дела, эти слои задаются сначала как *разные области интерпретации* знаковой графики, знаковых фигур. Благодаря этим четырем областям (или плоскостям) связь получает четыре разных истолкования и четыре разных содержания:

- 1) кинетика отнесений,
- 2) зависимости, целостность, назначение мест, или функциональность, и т.п. в идеальной логической плоскости объективности,
- 3) материальная сочлененность и координированность элементов,
- 4) внутреннее устройство и процессы того, что обеспечивает возможность (и существование) трех первых.

Но, после того, как зафиксированы эти три области истолкования фигур связи, их начинают описывать каждую в отдельности, и тогда выясняется, что все они, по сути дела, *про разное*.

В особенности отчетливо это выступает в данном примере:

1) знаки сами по себе не имеют кинетики, она создается и задается деятельностью, а более точно и строго – за счет массы разнообразных механизмов, в том числе и механизмов сознания; значит, для знаков кинетика вообще из другой области, от другого объекта;

2) структура знака, а вместе с тем все зависимости, функции мест и т.п., существуют только благодаря сложнейшей системе образцов культуры, работе сознания, знаниям и т.д.; поэтому структурно-функциональное изображение знака должно быть отнесено к идеальному пространству «логоса», в котором знак существует как идеальный объект; интересно и существенно, что именно структурно-функциональное изображение задает целостность и определенность существования знака как объекта – обстоятельство, на котором я настаивал в разных работах, не совсем понимая глубокую суть этого дела;

3) функциональная структура не только фиксирует целостность процессов, но и указывает на захваченный ими материал; поэтому, имея уже этот набор материальных элементов, мы должны еще проанализировать условия и механизмы их материального сочленения, в данном случае – создаваемые наложением на материал знаков человеческой деятельности; поэтому организованность – это всегда искусственное образование, хотя, по идее, она должна фиксировать совпадение искусственного и естественного;

4) морфология в данном случае – это сложная система, связывающая звуковой, кинетический и письменный материал речи языка через систему их отождествлений и различий, причем отождествления производятся *по содержанию*, а различия по форме, но, кроме того, каждый из выделенных видов и типов материала имеет свои особые естественные процессы и естественные ограничения и изменяется в этих формах.

Таким образом, категория системы (в той ее спецификации, которая определена изучением деятельности) предполагает анализ областей, по сути дела совершенно разных, и содержит или должна содержать в себе принципы их связи. Последнее должно быть рассмотрено и проанализировано более подробно.

2. В связи с изложенным выше я, естественно, не различал и не противопоставлял друг другу: а) связь у меня на схемах и б) связь, как она реализуется в материале речи-языка, или точнее – разных языков.

3. Особого обсуждения требует вопрос о смысле, значении и содержании связки и слова «есть»: $(A) \leftarrow (B)$ или $\overline{(A)} \overline{(B)}$

В принципе, каждая новая структура создает свой особый смысл связки, и он должен фиксироваться в качестве *особого значения и особого знания*. Как значение, так и знание как бы снимают *проекцию* со структуры суждения и представляют этот абстрактный момент или свойство суждения в виде *действительности* особого рода. Рассматривая все эти знания и значения, я должен как бы вновь собрать все это в объект, в его *символическую* модель. Как относится суждение к предложению (рис. 024).

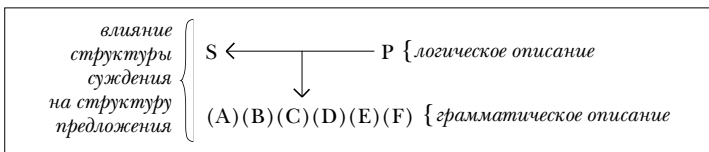

Рис. 024

Но, кроме того, сама структура суждения рассматривается как иконическое изображение некоторого отношения между двумя независимыми элементами. Именно в этом аспекте появляются трактовки связки «есть» как «равно».

Но нужно еще тщательно проанализировать отношения по смыслу между отношением «равно» (или =) и такими выражениями, как

«такой же, как и»	}	A + B
«не что иное, как»		A = A
«тождествен с» ²		

14 августа

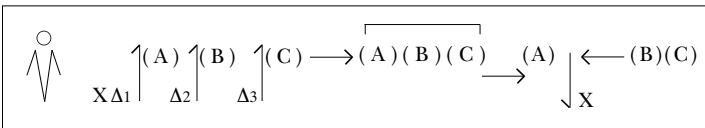

Рис. 025

Фокусы функционального мышления. Форма. Материал. Знак.

1. Потерялось объективное содержание.
2. Что остается у синтагмы (A) – (B)?
3. На деле синтагме должно быть подсунуто новое объективное содержание – тот идеальный мир, который был сконструирован, в частности, Аристотелем.
4. Знаковая форма осуществляет, опосредует связь между объектами, сопоставление их, и ничего не обозначает, ибо объективное содержание есть кинетика сопоставлений.
5. Материал становится знаковой формой, когда он начинает знаково функционировать, т.е. вставляется в соответствующее место.
6. Идея разнородности ломает традиционную логику.
7. Ход анализа:

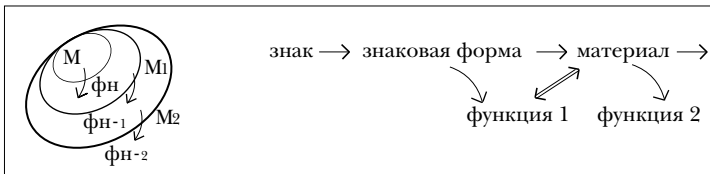

Рис. 026

² [См. G.Frege. Über Begriff und Gegenstand // Vierteljahrsschrift für Wissenschaftliche Philosophie». 1892. Jg. № 2. S.194 (сноска); Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892. Bd 100; cp. E.Schröder. Vorlesungen über die Algebra der Logik. Leipzig. 1890. Bd 1. § 1].

15 августа.

Атрибутивные структуры.

Ответы на вопросы

1. Почему я употребляю такое странное словосочетание, как «связь существования»?

Когда первый производит два последовательных сопоставления X с A и B и устанавливает наличие в объекте X свойств a и b , а затем строит номинативный комплекс $(A)(B)$, то он просто фиксирует факт существования свойств a и b в объекте X . Он не применяет процедуру для установления связи между a и b и ничего не может утверждать по поводу связей.

Но отнесение формы $(A)(B)$ к объектам в процессе понимания неизбежно требует установления связи между знаками (A) и (B) – между их формами и их значениями: ведь форма $(A)(B)$ должна быть отнесена как целое, а это значит, что (B) может быть отнесено только через посредство (A) . Поэтому сам факт установления предикативной структуры предполагает обязательно установление определенного отношения (B) к (A) и определенной связи между (A) и (B) в рамках целого.

Следовательно, сосуществование содержаний (A) и (B) приобретает форму связи между значениями и смыслами (A) и (B) ; но связь принадлежит именно форме, возникшей независимо от мысли, а в содержании пока есть лишь одно случайное и единичное существование.

2. Как совместить двойственную характеристику формального синтагматического знания: с одной стороны, формальная синтагма оторвана от объекта и поэтому может быть только обобщенной, а с другой стороны, она характеризуется как знание о единичном.

3. Как замещение $X - (B)$ форма $(A) - (B)$ оправдана и имеет смысл. Но $(A) - (B)$, будучи формальной, невольно приобретает обобщенный характер. Но тогда-то она не оправдана и не имеет смысла, другими словами, обобщенного содержания, соответствующего $(A) - (B)$, просто нет.

Формы $X - (B)$ и $(A) - (B)$ – одинаковые по происхождению, но разные по употреблению.

Содержание знания задается историей его образования.

4. Трудности вызывает метод рассуждения: получение утверждений о долженствовании.

17 августа

Атрибутивные структуры (1)

1. Система коммуникации с включенным в нее пониманием и вторичным мышлением (по восстановлению объекта знания) представляет собой своеобразную «машину» по переработке операций мышления и выявляемого посредством них операционального содержания в форму развернутых знаковых текстов (рис. 027).

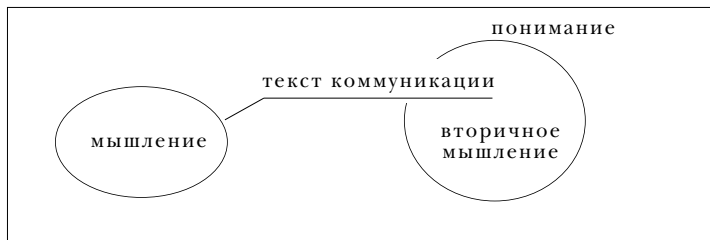

Рис. 027

Таким образом, именно понимание – его процессы, механизмы и средства – составляют и задают требования к тексту, определяют его состав и структуру. Это, следовательно, машина по переводу мышления в речь и язык (точнее – часть машины).

Мышление имеет свой независимый вектор развития: оно изменяет и развивает свои операции, средства, объекты, дифференцирует и усложняет миры и т.д. А коммуникация переводит все это в усложнение и развитие текстов и языка.

При этом между речью и языком, с одной стороны, и мышлением – с другой, устанавливаются своеобразные отношения и взаимодействия. Во-первых, предметы, создаваемые в коммуникации (и обслуживающих ее сферах деятельности), включаются затем опять в мышление в качестве объектов сопоставлений. Это значит, что тексты, созданные для коммуникации, вновь ассимилируются мышлением. Во-вторых (и это уже отмечено в понятии вторичного мышления), тексты, созданные в процессе коммуникации, должны быть переведены в объекты и операции воспроизводящего мышления. В-третьих, развитие речи-языка как составляющих коммуникации зависит от развития мышления и им определяется.

Некоторые проблемы, связанные с изучением атрибутивно-предикативных структур (2)

1. До сих пор предикативная связка вводилась через необходимость относить сложную или комплексную форму к объекту как

одно целое, а для этого – соотносить и связывать знаки, входящие в эту форму, друг с другом; иначе говоря, предикативные связи организовывались относительно «центра отнесения» (рис. 028).

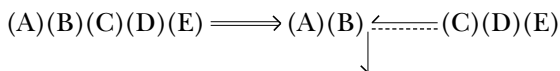

Рис. 028

По сути дела, в форме должно быть по меньшей мере столько связок, сколько есть знаков, имеющих самостоятельное значение. Поэтому здесь можно и нужно говорить не просто о предикативной связке, а о *предикативной структуре*.

Предикативная структура должна иметь столько связок и такие, чтобы, согласно им, можно было бы организовать и выделить соответствующее объективное содержание. И кроме того, сама эта предикативная структура должна быть оформлена *соответственно* данному объективному содержанию, по возможности параллелистски или изоморфно ему. Так мы приходим к *онтологически* трактуемым категориям языка.

Если сложная форма имеет два знака, то соответственно этому вводится любая двойственная категория, например, «вещь – свойство», «вещь – действие», «вещь – изменение» и т.п. Если в сложной форме больше знаков, то они организуются в этих же категориях вокруг предикативной связки по атрибутивным или каким-то иным схемам.

Предикативная связка – это всегда «очаг» формирования категорий (или, более широко, любых форм фиксации объективного содержания в языке). Остается только обсудить, что это за категории.

2. Второй момент, который точно так же необходимо обсудить: какими процессами, кроме понимания, определяется *предикативная структура*. Ведь отделить тексты в их коммуникативных аспектах от ассимилирующих эти тексты процессов мышления в принципе невозможно. Любая предикативная структура, получившая соответствующее категориальное оформление, становится затем предметом мышления; очевидно, сама предикативная структура определяется, среди прочего, этими процессами или операциями мышления, как бы надстраиваемыми над текстами и зафиксированными в них предметами.

3. Третий момент, который здесь важно выделить, это то, что разделяются ряды проблем. Если мы уже поняли, что логико-грамматические категории возникают в процессе коммуникации и для обеспечения ее, то теперь мы можем поставить вопрос, какие именно категории, в какой последовательности и каким образом происходят и оформляются. Мы должны, следовательно, иметь перечень этих категорий, а затем рассматривать каждую из них в отдельности. От этого ряда проблем отделяется другой: усложнение и развитие предикативных структур в соответствии с усложнением коммуникации и лежащих в ее основе процессов мышления. Но, наконец, отдельно должно рассматриваться включение логико-грамматических категорий в мышление, связанное с усложнением *мыслительных организованностей*.

24 августа.

Атрибутивно-предикативные структуры (I)

Важно подчеркнуть, что связи смысла (значения), возникающие за счет соотношения знаков друг с другом, объединяются, снимаются и свертываются за счет введения новых идеальных объектов и отнесения тех или иных знаков к ним. Например, смысл, возникающий в синтагматическом комплексе

$$(A) \leftarrow (B) (C) (D) \dots$$

у знака (A) за счет отнесения к нему знаков признаков (B) (C) (D) ..., *выражается* в смысловой связи (рис. 029),

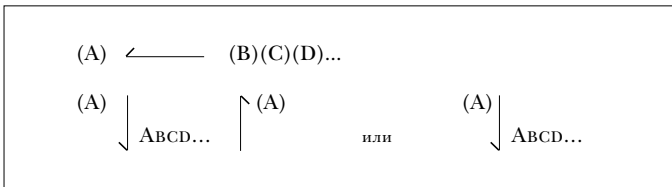

Рис. 029

полагаемой (мнимой) или реально осуществляемой после того, как построено онтологическое изображение идеального объекта или категориальное представление (кстати, очень часто в истории философии и логики, например у Гербарта, это схваченное содержание называли *понятием*).

Таким образом, между связями смысла, возникающими за счет отнесений знаков формы друг к другу, и связями смысла, осу-

ществуемыми в отнесении знаков к предметам мысли и предметов мысли к знакам, устанавливаются очень сложные отношения эквивалентности и взаимного замещения. Тогда получается, к примеру, что в структуре (рис. 030)

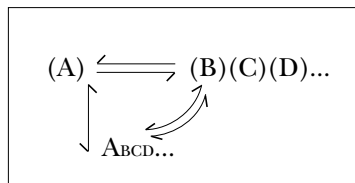

Рис. 030

вертикальные и горизонтальные связи в процессе мысли могут замещать друг друга или, иначе, почти автоматически развертываться друг в друга. Поэтому мы говорим, что «мышление», подразумевание или «представление» $ABCD\dots$ составляет содержание синтагматического комплекса $(A) - (B) (C) (D)\dots$

Атрибутивно-предикативные структуры (2)

В работах этой серии я пользовался терминами «значение», «связь-значение» и «функция значения». При этом, так как исследование велось на конструктивно развертываемых моделях, каждый из этих терминов имел по меньшей мере три разных смысла (рис. 031).

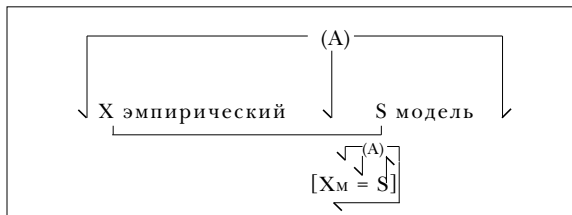

Рис. 031

Он выражал:

1) некоторое содержание, фиксированное в предмете $[XM=S]$, т.е. выявляемое или выраженное в модели S , но «изображающее» (моделирующее, имитирующее) по предположению или по условиям то или нечто такое, что действительно имелось в X , но было дано нам только через S ;

2) содержание, которое мы приписываем объекту X и «видим» или полагаем в нем, минуя все логические и эпистемологические условия выявления и фиксации этого содержания (т.е. чисто онтологически или наивно-натуралистически);

3) содержание, которое мы приписываем схеме S , взятой и мыслимой уже не в качестве модели и изображения объекта X , следовательно, не в системе предмета [$X_M=S$], а в каком-то другом качестве, например, самостоятельного знакового образования, скажем, некоторой конструкции, создаваемой (логиками и лингвистами) в рамках логики, лингвистики или семиотики и, в силу этого, выражающей самое себя (как обычно говорят, имеющей автономный смысл), или же в качестве схемы, изображающей или моделирующей какие-то конструкции, созданные в логике, лингвистике или семиотике, конструкции более низких уровней и слоев конструктивной деятельности (здесь уже не было бы никакой автономности, а был бы другой объект моделирования и другой предмет, скажем [$X_M=S$], отличный от первого).

Если бы в этих работах мы последовательно различали эти три разных смысла, то должны были бы соответственно менять терминологию. Если рассматривать эти работы с точки зрения наших нынешних схем, в которых жестко различаются и противопоставляются друг другу «смыслы» и «конструкции значений»³, то нужно будет сказать, что указанные выше термины в первом плане в применении к синтагматике речи-языка означают «смыслы», «связи смысла» и «смысловые функции, во втором плане являются особыми конструкциями.

Системодеятельностный подход в синтаксических исследованиях

Проблема существования «синтаксических сущностей»

(а) Натурально-эпистемологическая установка: есть нечто, синтаксические сущности, существующие в самом лингвистическом объекте – то ли в речевых текстах, то ли в языке, неизвестно, – которые должны быть отображены или изображены в *лингвистическом знании*.

(б) С системно-деятельностной точки зрения такое представление считается ложным. В рече-мыслительной деятельности «синтаксическое» (или синтаксис) существует в нескольких разных формах:

---

³ [См. Г.П.Щедровицкий. Знак и деятельность. Кн. 1. Структура знака: смыслы, значения, знания: 14 лекций 1971 г. М., 2005, Лекция 4, 5].

<1> в виде синтаксических схем (вместе с их понятийными характеристиками) в системе языка,

<2> в виде реализации этих схем на материале текстов – при *говорении или порождении текста*,

<3> в виде средства понимания и смысловой организации читаемого текста.

NB! Именно в последнем пункте проявляется полисистемный характер текста и необходимость системного подхода при синтаксическом анализе: говорящий «закладывает» в текст определенную смысловую организацию, она зафиксирована во множестве формальных смыслоразличительных признаков текста (отсюда вопрос о правильности выражения определенного содержания и правильности фиксации определенного смысла в форме); затем в определенной ситуации эти формальные признаки должны быть переведены в структуру смысла; при этом происходит сопоставление и столкновение содержания, задаваемого ситуацией, и смысла, извлекаемого из формальной организации текста.

NB! Поэтому здесь необходим детальный анализ всех типичных ошибок понимания и диссонансов, вызываемых расхождением между формальной организацией текста и содержанием ситуации.

I. Что есть субъект и предикат?

- (a) в схеме – места
- (b) в речевых текстах – слова и словосочетания по материалу
- (c) элементы актуального членения – в процессе понимания
- (d) в языковом выражении в виде функций
- (e)

По сути дела, мы могли бы здесь применить те характеристики системно-структурных представлений, которые описаны в статье 1965 г.⁴ (рис. 032).

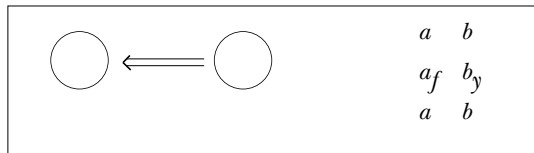

Рис. 032

⁴ [Г.П.Щедровицкий. К характеристике наиболее абстрактных направлений методологии структурно-системных исследований // Проблемы исследования систем и структур. М., 1965; Г.П.Щедровицкий. О принципах классификации наиболее абстрактных направлений методологии системно-структурных исследований // Проблемы исследования систем и структур. М., 1965].

Но такого рода функциональный анализ уже был проделан в серии сообщений об *атрибутивном знании*⁵.

Однако Н.Д.Арутюнова делает нечто большее – она пытается описать субъект и предикат, исходя из материально-атрибутивных характеристик тех слов, которые попадают на места субъекта и предиката.

II. Реально здесь рассматривается отношение между смыслом субъекта и предиката (точнее – значением субъекта вообще или определенных субъектов в тех или иных группах субъекта) и значениями определенных морфологически выраженных слов (рис. 033).

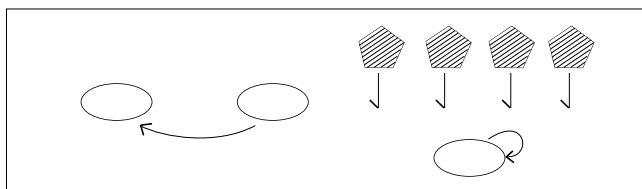

Рис. 033

Но таким образом можно пытаться подойти либо к анализу значения субъекта и предиката, либо к анализу значения определенных типов или классов слов, либо к анализу значения этих определенных слов, либо же к анализу *соотношений* и *соответствий* между тем и другим.

Но что здесь дальше может *конструироваться, выражаться и исследоваться?* – Синтаксические схемы, значения, отношения и соответствия.

1. Состоит ли предложение из слов (имеется в виду – из слов, зафиксированных в лексических системах языка)?

2. Слово как носитель семантического и синтаксического смысла или значения.

3. Словосочетание и предложение – стоят ли они в одном ряду?

4. Считается, что предложение несет в себе единый смысл и что его можно разложить на элементы-слова. Иначе говоря: *раскладывается* ли предложение на слова, или предложение может только *трансформироваться* в другие предложения? Собирается ли предложение из отдельных слов?

⁵ [Г.П.Щедровицкий. О строении атрибутивного знания. Сообщения I-VI // Докл. АПН РСФСР. 1958. № 1, 4; 1959. № 1, 2, 4; 1960. № 6; см. Избранные труды-1995].

5. Что происходит (рис. 034):

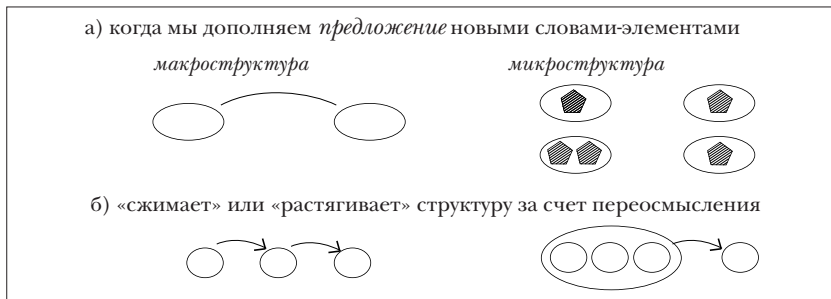

Рис. 034

6. Но основной вопрос все же состоит в том, как мы работаем со смыслом, если он создается и задается процессом *понимания*.

7. По сути дела я должен дать ответ, что есть процесс, ф[ункциональная] структура, организованность материала и морфология в *синтаксических исследованиях*.

8. Различия функций и материала относительно процедур оперирования (рис. 035).

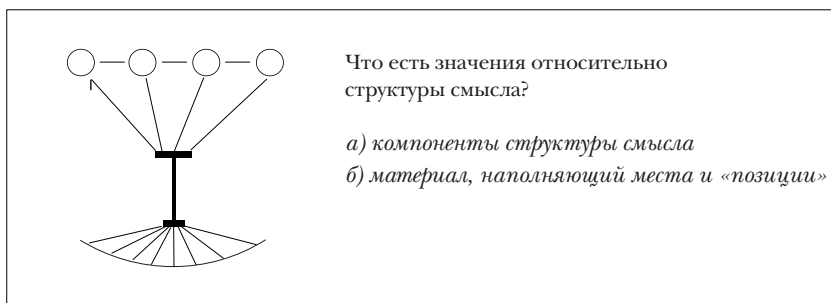
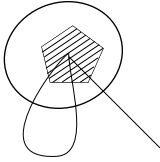

Рис. 035

NB! Но самое главное – многообразие отношений между этими четырьмя слоями: в генетических и исторических отношениях – одни, в функциональных – другие.

Морфология как организованность материала и затем как функциональная структура.

Весь вопрос – в отношении процесса понимания к тексту и к ситуации.

NB!

Как неразличение того и другого проявляется в синтаксических исследованиях?

Рис. 036

Значит, мне нужны примеры таких затруднений и парадоксов, которые снимаются благодаря системным представлениям.

10. В применении к синтаксическим исследованиям это означает...

Системный подход в синтаксических исследованиях

1. Все существующие направления и концепции синтаксического анализа должны рассматриваться вместе как одно целое.

2. Если мы возьмем их таким образом, вкуче, то сможем выделить ряд основных затруднений, несогласованностей метода и возникающих в силу этого противоречий в представлениях.

3. Помимо тех описаний односоставных предложений в различных языках мира, которые осуществляет практическое языковедение, в методологии и теории лингвистики существует еще *проблема односоставного предложения*. В принципе, методологическое и теоретическое обсуждение этой проблемы не имеет ничего общего с практическим описанием односоставных предложений, но есть несколько пунктов, в которых они пересекаются. Каждый из этих видов работы разворачивается в своем особом слое и уровне, и на первый взгляд между ними очень мало связей. Но в ряде пунктов они связаны и даже пересекаются.

Дело в том, что лингвист, пытающийся описывать односоставные предложения в том или ином языке, пользуется определенными понятиями «предложения» и «высказывания», определенными схемами структуры предложения и высказывания, определенными характеристиками членов предложения и частей речи, исходящими из этих схем, а поэтому все затруднения и проблемы, которые возникают у него на уровне описания конкретных языков и в ходе этих описаний, несут на себе печать этих понятий и во многом суть лишь отражение тех несоответствий и противоречий, которые существуют сейчас в этих понятиях.

4. Поэтому строгий методологический или логический анализ формы и содержания этих понятий является очень важным, хотя и опосредованным условием <и предпосылкой> эффективности прикладных лингвистических исследований.

5. Эти соображения определяют тему и направленность нашего исследования.

Условия появления понятия «предложение»

Итак, сначала все схемы появляются как внешние (для индивидуальных актов) средства и формы организации формирования речи-мысли.

Одним из таких средств является схема умозаключения и, соответственно, схемы суждений в методологии Аристотеля. Они содержат знаки терминов, или терминальных выражений, и слово, выражающее предписание, но не в форме императива, а в форме обозначения того, что должно произойти или получиться: «Всем *A* приписываются *B*», а не «Всем *A* надо предписать *B*». Отчасти это объясняется сложной формой самого предписания: оно содержит часть, фиксирующую рече-мыслительную ситуацию, или то, что произошло: «Если всем *A* приписывается *B*, а всем *B* приписывается *C*, то...»; только в этой последующей части может быть собственно предписание, но оно вместе с тем должно быть представлено в такой же форме, в какой были зафиксированы условия.

В связи с этим необходимо внимательно и тщательно проанализировать Е и И-аспекты модальности предписания: «должно приписать», «можно приписать», «необходимо приписать» и т.п.

При определенных условиях слово, выражающее действие, может быть понято и истолковано в духе описания и фиксации того, что происходит в самом силлогизме, или умозаключении; но это опять-таки может быть лишь фиксация того, что сделали другие – скажем, оппоненты или наблюдаемые спорщики и т.д.

Но это точно так же очень сложная тема, которую нужно обсуждать особо.

В конце концов, силлогизм как предписание приобретает форму схемы, в которой слова действий и «естественных» превращений элиминированы и затенены черточками связей, которые могут трактоваться как угодно.

Что же происходит со знаками терминов, или терминальных выражений? Во-первых, нужно шаг за шагом проследить, как меняется смысл этих знаков. Первоначально они выступают от-

нюдь не как переменные, а только как имена-обозначения определенных терминов, или терминальных выражений. Вместе с тем, они не являются обозначениями классов. Но исходный смысл и возможные значения этих знаков очень сложны: с одной стороны, эти знаки лишь замещают соответствующие имена-термины и терминальные выражения, а с другой – получают (во всяком случае, с какого-то времени) смысл и содержание, связанные с непосредственным отнесением их к объектам (рис. 037).

Рис. 037

Собственно говоря, уже склейка выражений «все» и «А», т.е. употребление их в одном отнесении, характеризует приобретение знаком А нового смысла, а затем и значения. До этого «А» должно было относиться к имени «широколиственные растения», квантор имел *автономное значение* – он был просто *перенесен* в предписание или схему силлогизма. Но затем это употребление «А» *вместе* с квантором придало ему новый смысл – в непосредственном отношении к объектам.

Но как бы там ни было, а знаки имен были самым сложным моментом силлогистического предписания и, естественно, должны были больше всего анализироваться. Отнесение схемы к разным текстам и «наложение» знака имени на разные выражения в условиях, когда смыслы и значения остальных элементов схемы не менялись и, следовательно, все различия соответствующих элементов выражений не имели значения, отделяло знаки имен от всего остального и заставляло специально анализировать их смысл и значение. И эта уже установка, по сути дела, выделяла *схему* силлогизма или суждения, точнее, как сказали бы мы сейчас, – их структуру, а это означает также – отделяла *материал* терминов от их места. В самом рече-мыслительном тексте это было невозможно, а связка и соотнесение самого текста и его схемы (или схемы и текста) позволяли делать многое в отношении текста, работая со схемой. Итак, получался весьма своеобразный предмет (рис. 038):

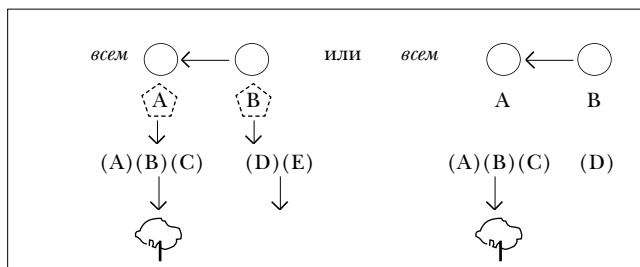

Рис. 038

в котором структура (или структурная схема) совершенно отчетливо отделилась от имен-терминов, или, как я раньше говорил, план А отделился от плана В.

Замечание. Каждое из этих двух изображений предмета имеет свое преимущество и, как представляется, они оба разворачивались в зависимости от *условий и обстоятельств*.

Именно здесь происходит разделение *логики и языковедения*, но при этом именно логика определяет и стимулирует формирование и развития языковедения. Вполне возможно, что непосредственным стимулом был вопрос, что представляют собой те выражения непосредственной речи-мысли, которые замещаются или обозначаются буквами, и как они связаны с обозначаемыми ими объектами.

Этих соображений будет для меня сейчас вполне достаточно, хотя при более детальном подходе нужно рассмотреть все те затруднения и все те проблемы, которые возникают в собственно логике и заставляют исследовать, с одной стороны, смысл и значения знаков «А», «В», «все А», «некоторые А», «ни одного А» и т.д., а с другой – смысл и значение выражений непосредственно речи-мысли.

Таким образом, языковедение возникает как бы под логикой и является для неё «природной» дисциплиной, ибо она рассматривает материал суждения и умозаключения. И с одной стороны, этот материал чужд непосредственной логике, а с другой – обусловлен и детерминирован ею. Это значит, что он не обладает пока что целостностью, а с самого начала частичен и подчинен более широким задачам.

И это обстоятельство предопределяет то, что в дальнейшем, когда собственный предмет языковедения уже сформирован, начинается обратное движение к целостности, а это значит воспроизведение исходных логических образований – суждения и умоза-

ключений – в собственно языковедческих представлениях и терминах. Так далее появятся «предложение» и «рассуждение», или «текст». Но до этого еще надо дойти.

В анализе природы имени-слова и имени-словосочетания возможно несколько разных подходов и трактовок: 1) номиналистическая, 2) концептуалистская и 3) объектно-онтологическая; а внутри каждой из них – свои варианты и разновидности.

Первая на вопрос, что есть слово и словосочетание, отвечает, что это звуки, имеющую свою материальную форму, и в дальнейшем трактует их наподобие вещей. Вторая связывает звуки с концептами и рассматривает первые как выражения вторых. Третья связывает звуки с объектами или «положением дел».

Но суть дела здесь, как я уже неоднократно отмечал, – и это объединяет на время второй и третий подходы – не в том, как трактуется то, что обозначается или выражается в звуках, а в том, как понимают и рассматривают отношения и связи между звуками и их референтами.

Категория отношения предполагает два принципиально разных подхода: в одном звуки ставятся в соответствие с тем, что обозначают или выражают – в дальнейшем это ведет к формированию понятия о рядах соответствий или функциональных рядах; в другом звуки сопоставляются, сравниваются с тем, что им соответствует, – тогда говорят об их сходствах, подобиях или, наоборот, отличиях и различиях.

Здесь очень сложен вопрос о первичности и вторичности, а также о взаимозависимостях между этими двумя представлениями. Ведь сопоставляются и сравниваются отнюдь не любые звуки и концепты, не любые звуки и вещи, а только те, которые уже стоят в отношениях соответствия друг другу. Но таково объективное положение дел, реализующееся в нашей речи-мысли, а осознаются эти моменты совсем в иной последовательности и, очевидно, отношение соответствия как интуитивно полагаемое основание сопоставлений выявляется и фиксируется сравнительно поздно. Сам процесс выявления его ведет к формированию следующих категорий, а именно категорий *обозначения, выражения, связи* и т.п.

Вторая трактовка отношения дает возможность соединять и совмещать этот подход с первым, собственно номиналистическим, поскольку сопоставляемые объекты рассматриваются фактически как независимые друг от друга; само отношение сопоставле-

ния является чисто искусственным (хотя оно всегда предполагает естественное и объективное отношение соответствия).

Первая трактовка, поскольку она выявляется и фиксируется, ведет к образованию сложных предметов, в которых два объекта, две вещи берутся одновременно как связка. Нередко такой предмет фиксируется в синкретических определениях с заведомой категориальной гетерогенностью, как, например, «вещь, обозначающая другую вещь», в которых отношение фиксируется в форме свойства одного из элементов отношения.

Такая трактовка тоже позволяет совмещать второй подход с первым, хотя и ведет в дальнейшем ко многим противоречиям. Объясняется это в свою очередь тем, что категория отношения не имеет явно выраженного признака целостности, а это позволяет объективировать схему отношения: на объекты выносятся члены отношения (или элементы), а само отношение не объективируется и рассматривается как собственно деятельностная добавка.

Все это нужно подробнейшим образом рассмотреть и проанализировать в контексте реконструкции истории развития категории отношения.

Но как бы ни трактовалась такая пара, важно, что именно на ней происходит центрация и фокусировка анализа в языковедении. Весь дальнейший анализ начинается уже с этой единицы.

Фактически уже произошло выделение *отношения номинации*, которое мы в дальнейшем будем символизировать так (рис. 039):

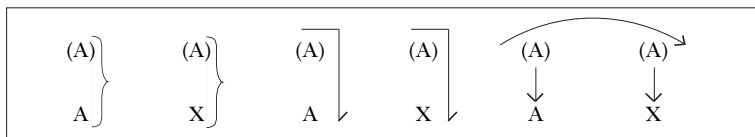

Рис. 039

Но, поскольку это отношение выделено в качестве простейшего материального элемента, теперь нужно с его помощью объяснять (или, что то же самое, из него выводить) те более сложные структуры, которые были зафиксированы в логике. В принципе, конечно, здесь надо говорить о более слабом отношении: нужно сопоставить то, что было и есть в логике, с тем, что получилось и может быть далее сконструировано в языковедении, но такая трактовка не может объяснить установок на конструирование и сборку более сложных структур.

Кстати, именно здесь выявляется то, о чем пишет Э.Бенвенист⁶: отношение номинации, выявленное таким образом, не является *единицей* более сложных логических структур и даже их *элементом*, поскольку здесь *место* отделилось от наполнения (в отношениях между логикой и языковедением); а трактовка этих образований либо как элементов, либо как единиц возникает потом, когда мы начинаем конструктивную работу и формулируем для неё те или иные правила. Именно в этом суть дела, и это мы должны рассмотреть возможно подробнее.

Здесь весь вопрос в том, как мы рассматриваем простейший конструктивный элемент – как неразложимый атом или как достаточно сложную конструктивную единицу, а в случае последнего – как структуру со связями, несопоставимыми и упорядоченными в один ряд с теми связями, которые зафиксированы в единицах логики, или же, наоборот, принадлежащими к тому же виду и типу. При этом с самого начала возникает проблема как «вертикальных», так и «горизонтальных» связей.

Когда «имена»⁷ рассматриваются в качестве простых атомов, то анализу и сравнению подлежат конструкции двух видов: 1) с соположением (словосочетания) и 2) с явно выраженной связью, т.е. $(A) (B)$ и $(A)-(B)$.

Уже здесь возникает вопрос об отношениях между собственными атрибутивными свойствами элементов и теми свойствами, которые придают им связи; в частности, (B) является именем, таким же, как (A) , и никакой анализ его как имени не может выделить в нем того, что называется предикатом. Но при отсутствии функционального подхода все эти свойства все равно должны быть приписаны именам как таковым, и поэтому в античной логике и грамматике появляется проблема *категорем* или *предикатов* (проблема родов категорий). Тогда самой связке между (A) и (B) приписываются свойства, вторичные от тех, что уже зафиксированы в предикате (B) .

Иначе говоря, когда связь между (A) и (B) не задается вообще, то вроде бы нет проблем, но тогда мы не можем подняться до логических схем и вывести их. А если нужно задавать связь между (A) и (B) , то мы можем либо вывести её из содержания,

---

⁶ [См. Эмиль Бенвенист. Общая лингвистика. Под ред Ю.С. Степанова. М.: Изд-во «Прогресс», 1974].

⁷ Само имя как категорию еще надо выводить.

уже как-то зафиксированного в (A) и (B), либо же привнести откуда-то со стороны. Если мы обращаемся к суждению как к исходному целому, то это выводит нас за пределы языковедения опять в систему логики⁸. А если это нас никак не может устроить, то мы должны ввести аналоги подобных связей в рамках самого языковедения.

Но откуда их взять и как определить их природу? По-видимому, была проделана очень большая работа, прежде чем эта связь была представлена связкой-глаголом «есть», и этот частный вариант рече-мыслительного акта (или рече-мыслительной единицы) выступил как всеобщая модель и образец. При этом неясно, вводился ли он на уровне собственно рече-мыслительных текстов, собственно языковедческих моделей предложения (поскольку таковые появлялись) или же на уровне схем суждения и умозаключения. Все это должно специально исследоваться.

Единственная гипотеза, которую здесь можно выдвинуть в предварительном порядке, – это та, что именно на этом этапе анализа и именно в русле этого представления складываются или формируются понятие и схема «предложения», которые ставятся в определенное отношение к понятию и схеме «суждения».

В исходном пункте, как мы уже говорили, все языковедческие представления и схемы формируются «под» логическими, и это отношение в принципе остается всегда (рис. 040).

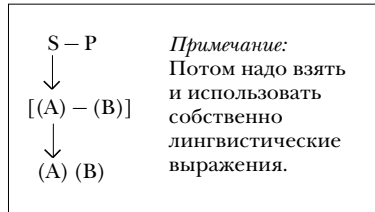

Рис. 040

Но параллельно логические и языковедческие схемы как разнопредметные разносятся, ставятся в один ряд⁹ и как равноправные относятся к одному и тому же объекту (рис. 041).

⁸ Тем более, что в логике сама эта связь носит отнюдь не конструктивный характер. Если в логическом предписании говорится, что одно – (B), приписывается всем другим – (A), то из этого при всем желании нельзя ещё извлечь конструктивные связи и связки.

⁹ Это происходит за счет разрыва, или «забывания», исходной зависимости их от логических схем.

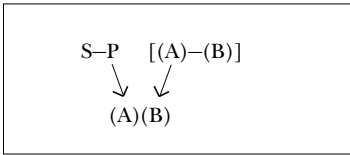

Рис. 041

Но это тотчас же заставляет ставить вопрос об отношении этих двух моментов или сторон друг другу в рамках самого объекта. Так возникает проблема соотношения «логического» и «языковедческого». Но решаться она должна все равно путем установления того или иного отношения между схемами и выявляемым ими содержанием. И тогда мы можем сказать, что: 1) $S-P$ существует в $[(A)-(B)]$, 2) $[(A)-(B)]$ существует в $S-P$ – два объект-предикативных отношения, 3) и $S-P$, и $[(A)-(B)]$ существуют наряду и автономно и стоят друг к другу в тех или иных отношениях и связях.

Именно здесь затем развертываются разнообразные варианты с параллелизмом. В частности, суждение полагается существующим на более глубоком уровне объекта – теория глубинных структур, а предложение трактуется как *выражающее* структуру суждения. В этом случае словесное выражение связки, с одной стороны, и категориальные характеристики членов предложения, с другой, рассматриваются как выражения сути суждения, или самого акта суждения (или чего-то другого). Продуктивная сторона этого направления состоит в том, что именно в его рамках начинается структурирование «мира», онтологии, – связи в схемах предложения и суждения получают за счет этого разнообразные объектные характеристики и определения.

Благодаря этому в схемах вида

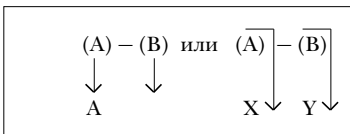

Рис. 042

каждый раз ставится вопрос об объективном смысле и содержании знака (B) , причем этот смысл и это содержание извлекаются каждый раз не из структуры суждения-предложения и задаваемого ею смысла отдельных элементов, а из объективного, как думают, содержания соответствующих имен¹⁰.

¹⁰ Но здесь надо разработать метод и процедуру для того, чтобы систематически рассмотреть все возможные замещения и ходы мысли.

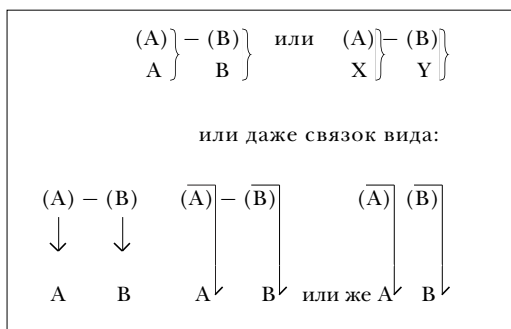

Именно в этом контексте ставится вопрос, в чем сущность отношения между (A) и (B) с точки зрения возможных отношений и связей между объектами A и B или X и Y и т.д. Именно здесь вводятся отношения отождествления объектов, когда $X = Y$, *приравнивания* одного объекта другому $X \rightarrow Y$ или $Y \rightarrow X$, *включения* объекта в класс или класса в класс, а также более сложные объектно-знаниевые отношения типа *подведение* объекта под понятие или понятия под понятие и т. д. Сюда же должны быть отнесены все категориальные отношения типа «вещь–свойство», «причина–действие», «основание–следствие», «отношение», «зависимость», «связь» и т.д. Но это уже будет проблематика взаимоотношения общей и категориальной логики, или – формальной и содержательной.

В связи с этим можно обсуждать типичные ошибки отождествления связи предикативности с отношением «вещь–свойство» и др.

Здесь также очень интересен вопрос разделения и разведения «предиката» и «предикации». В текстах речевого мышления нет и не может быть акта предикирования, который не был бы отнесен к объекту (или субъекту предложения) того или иного определенного предиката, но в схемах, как логических, так и языковедческих, мы можем эти два момента разделять и обычно разделяем. Мы говорим о связке *предикации*, подразумевая при этом какой-то предикат (безразлично какой), а затем можем отдельно обсуждать вопрос, каким является этот предикат, т.е. к какой категории он относится. Но ведь предикат, как известно, есть не что иное, как морфологически свернутое выражение структуры предикации и формальной структуры предложения, а поэтому эти два момента не так-то просто развести.

Но меня здесь больше интересуют другие варианты, а именно те, когда «предложение» стало рассматриваться как связь пар соответствующих элементов (рис. 043):

и при этом само отношение

Рис. 043

стали рассматривать как однопорядковое со связью между знаками (A) и (B) или, во всяком случае, как производимое особой операцией или актом понимания-мышления.

В этом случае вся проблема была переведена в проблему организации и связи ряда мыслительных операций. Именно с этого момента мы можем датировать возникновение проблемы предикативности в её современной форме.

Действительно, в других словах можно сказать, что проблема предикативности возникает в языковедении тогда, когда мы начинаем выводить связь П-С из отношений и связей номинации. Это значит, что мы должны, прежде всего, зафиксировать акт номинации

а затем дополнить или достроить его отношением или связью отнесения второго знака (B) , т.е. фактически вторым актом номинации, но таким, что он должен производиться с учетом первого акта и, следовательно, через отношение к первому акту и его продуктам. Именно это я изображаю «воронкой» в виде (рис. 044):

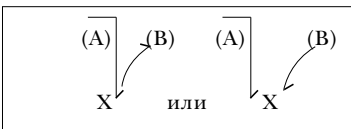

Рис. 044

но условием отнесения (B) к X или, наоборот, запрещения такого отнесения и т.п. является предварительное соотнесение знака (B) <или предиката (B) – это различие здесь очень важно> со знаком (A) <или предметом

или предметом X_A и т.п. – опять-таки, все эти нюансы здесь очень существенны>.

К проблеме предложения

Все затруднения и парадоксы «односоставного предложения», как и парадоксы «предложения», «слова» и т.п., возникают из-за того, что единая мысль – речевая мысль – была разделена на предметы, которые соответствовали разным сторонам и проекциям объекта...

Формы и способы выделения этих сторон соответствовали отнюдь не объективному устройству и организации объекта, а требованиям и устройству тех деятельностей, которые человечество должно было осуществлять в отношении речевого мышления, в частности, требованиям и механизмам нормирования речи-мысли, обучения речи-мысли и т.п.

Все эти расчленения и способы представления речи-мысли имеют глубоко объективный характер и объективные основания, но не в отношении речи-мысли как индивидуального проявления, а в отношении всей той более широкой системы человеческой деятельности, которая как бы охватывает каждый индивидуальный акт речи-мысли и обеспечивает воспроизводство и развитие рече-мыслительной деятельности как социального явления. Таким образом, все эти требования объективны не как правильные и адекватные изображения индивидуальной речи-мысли, а автономно, как реальные образования, обеспечивающие производство (воспроизводство) и осуществление индивидуальных актов речи-мысли.

Именно так появились представления о «предложении» как о чем-то отличном от мысли, о «слове» как элементе предложения, о «мысли», якобы существующей вне речи и только выражаемой в словах и в предложениях, и все подобное. А если мы попробуем трактовать все эти схемы и представления как изображения или описания индивидуальных актов речи-мысли, то столкнемся с вопиющей неадекватностью и несоответствием, на которые не раз указывали многие мыслители. Эта вопиющая неадекватность в течение долгого времени не обнаруживала себя прежде всего из-за того, что преобладали нормативные и конструктивно-проектировочные деятельности.

В силу этого все описания подобных схем нормативных предписаний и моделей выступали в особом отношении к *процессам* индивидуальной речи-мысли: они фиксировали и описывали те организованности материала, которые определяли и структурировали процесс речи-мысли. И это обстоятельство является важнейшим для понимания взаимоотношений между разными

нормативными, конструктивно-техническими и вторично-познавательными описаниями речи-мысли. Но эта сторона дела требует уже более подробного описания, и узловым в нем будет новое понятие системы, или, что то же самое, системный подход в анализе речи-мысли, или системное представление речи-мысли.

Суть этого подхода и соответственно представления состоит в том, что любой системный объект изображается как многослойное, минимум четырехслойное, образование, состоящее из 1) процессов, 2) функциональных структур, 3) организованностей материала, 4) морфологии. Каждый из слоев изображается в структурах особого рода и между структурами, изображающими каждый слой.... Поэтому – и этот момент является самым главным для понимания дальнейшего – структура каждого слоя в неявном виде дает представление и обо всех других, во всяком случае, имея представление об одном слое, мы имеем уже и определенное представление обо всем целом.

Итак, все эти формы являются организованностями речи-мысли, т.е. соответствуют третьему слою. То, что мы называем «предложением» или «суждением», есть лишь разные организованности речи-мысли, которые задают и определяют сам процесс речи-мысли...

Все трудности возникали лишь после того, как мы отходили от непосредственно нормативных конструктивно-инженерных задач и соответствующих им представлений речи-мысли и пытались истолковать все существующие представления как собственно научные изображения и описания индивидуальных актов речи-мысли. Правда, и здесь трудности затемнялись и затушевывались вследствие особенностей функционирования сознания исследователя. Имея схемы изображения и описания тех или иных организованностей речи-мысли, исследователь всегда дополнял их процессом понимания, имитирующим соответствующий процесс речи-мысли, а поэтому исследователь всегда имел ощущение или представление, что ему через посредство схемы этой организованности дано все целое, весь акт речи-мысли со всеми его составляющими из разных слоев.

Эта неадекватность трактовки каждой из имеющихся схем в качестве изображения речи-мысли проявлялась прежде всего в двух случаях: 1) когда мы пытались с их помощью объяснять естественное функционирование речи-мысли или, что то же самое, – приписывать этим схемам естественные процессы и механизмы

жизни, и 2) когда мы пытались синтезировать воедино разные схемы и представления (полученные в контексте разных деятельностей, направленных на воспроизводство речи-мысли).

В обоих случаях мы вставали перед специфической задачей конфигурирования разных схем и представлений, причем со специфической установкой на создание объективируемого и оестественного... [*не закончено.* – Ред.]

Проблемы односоставного предложения

1. Предложение как единица языка и явление речи.
2. Проблема изобразительной адекватности: а) в нормировании деятельности, б) в научном моделировании и описании.
3. Что есть предложение как единица языка, т.е. каковы схемы предложения.
4. Основные парадоксы.
5. Предложение как средство коммуникации, в контексте коммуникации. Высказывание и предложение. Высказывание и формы высказывания.
  - 5*. Принцип параллелизма в исследовании. Деятельностный и функциональный подход. Системные представления.
6. Выражение (оформление) и понимание.
7. Связи номинации и предикативности.
8. Формы маркировки предложения: а) понимание и механизмы осознания; б) органическая взаимосвязь парадигматики и синтагматики; в) нормативная избыточность.
9. Усечение грамматических схем в речи.
10. Проблема односоставных предложений.
11. Принципиальность значения разложения смысла и конструкций значения. Проблема слова и предложения. Её мнимый характер.

* * *

1. Каким образом в односоставном предложении реализуются способы и функции предложения, которые мы связываем с членением (членностью) на подлежащее и сказуемое, в частности, предикативность.

Получается, что предикативность связана с членением предложения на *П-С*.

2. Почему мы считаем подобные формы предложением, а не словом или словосочетанием.

У предложения *отношение именованя* внутри формы (рис. 045):

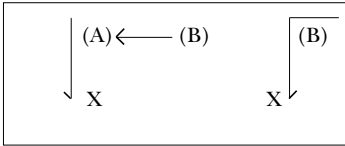

Рис. 045

Либо то, что мы задали как предикацию внутри предложения, просто повторяет то, что было вне, либо мы совершаем ошибку отождествления того и другого.

Значит, нужно показать границы тождества и различия того и другого, а через это – связь одной и другой формы.

Суть не в отношении предмет-свойство, а в возможности субституции или же, наоборот, в установлении какого-либо другого отношения.

Противопоставление предикативности и атрибутивности

Здесь, по-видимому, все дело в уровнях работы. Предикативность существует на уровне процессуального смыслообразования, постоянные языковые формы – неважно, какие, – на уровне тех или иных организованностей, которые как постоянные и устойчивые фрагменты включены в процессы и задействованы в них; при этом процесс либо воспроизводит связки организованностей, либо «движет» ими. В этом плане очень существенно членение на конструктивный и актуальный синтаксис.

Структура предикации свертывается в категориальной форме предиката. Но мало понять это фундаментальное обстоятельство, надо еще проанализировать и описать механизм, превращающий живое движение мысли-понимания в фиксированные организованности языка – синтаксические и морфологические, взаимодополняющие друг друга.

* * *

1. Принципы системного анализа речи-языка.
2. Понятие предложения как формы организации речи-мысли, как единицы в системе языка и как знания.
3. Взаимная дополнительность синтаксических и морфологических структур.

А это, как я стремился показать в статье об Уорфе¹¹, зависит от массы привходящих обстоятельств, в более общем виде – от той системы *сведений и отождествлений*, которая была осуществлена Правда, в дальнейшем все эти сведения и отождествления начинают регулироваться и направляться установкой на обобщение строго определенных объектов и определенного содержания, т.е. начинается специальная критическая работа и анализ всех создаваемых форм, но они все равно вторичны, захватывают лишь незначительную часть форм.

Может быть, важнейшая сторона дела, отличающая грамматикализованные языки от неграмматикализованных, это – *иерархическое построение обобщения*. Если в последних обобщения производились только на уровне слов (и объектов), то в первых производится обобщение *рече-мыслительных структур и мест* в этих структурах. Значит, различие в *направлениях и способах обобщения*.

Но здесь, опять-таки, действует все тот же принцип относительности истории речи-мысли-языка-мышления. Язык не натуральное, а историческое явление. В каждом языке грамматические категории возникают постепенно и в определенной исторической последовательности. И поэтому мы можем проследивать, как из одного набора категорий в определенных ситуациях речи-мысли возникают другие категории.

В смысловой структуре нет различия между формальным и содержательным. Речь, мысль, язык и мышление неразрывно связаны в ней. Но это означает, среди прочего, что ни одна языково-мыслительная форма не может иметь постоянного и всегда строго определенного смысла. Мы всегда имеем *примирение и равновесие* фиксированных значений и нового смысла, создаваемого *данной мыслью*.

Значит, даже при описании речи-мысли мы должны либо идеализировать ситуации, создавая их обобщенную и синхронизированную типологию, либо же реализовать исторический подход, выявляющий разного рода индивидуализированные инновации.

1. Структурно-функциональный и исторический подход к речи-мысли-языку-мышлению.

2. Синтаксическая концепция Э.Бенвениста.

¹¹ [Г.П.Щедровицкий, В.М.Розин. Концепция лингвистической относительности Б.Л.Уорфа и проблемы исследования «языкового мышления» // Семиотика и восточные языки. М., 1967].

3. Лингвистическое описание структур речи-мысли (проблема синтаксиса) (рис. 046).

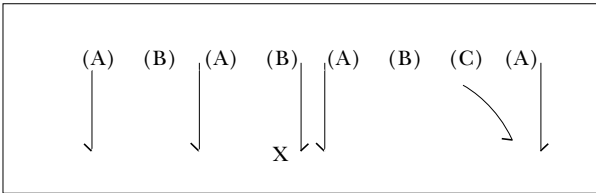

Рис. 046

Фактически Э.Бенвенист рассматривает смысловые структуры, заданные процессами и механизмами *понимания* (см. сс. 170–171), но почему-то он называет их *глагольной функцией и глаголом*. Все эти движения или *связи* необходимы для осуществления речи-мысли, но как можно сказать, что то или иное из этих движений либо те или иные из этих связей есть глагольная функция и глагол, – вот это непонятно.

Но важно показать, что это исчисление связей-функций есть основание синтаксиса, но ещё не синтаксис. Синтаксис возникает тогда, когда мы фиксируем это смыслообразующее движение в определенных организованных знаковой формы и начинаем представлять само это движение понимания-мышления, или смыслообразования, как реализацию или осуществление синтаксических структур (т.е., в нашей терминологии, синтаксических организованныхностей). При этом в лингвистическом анализе не особенно отдают себе отчет, в какой форме и в каком статусе рассматривают эти синтаксические организованныености – то ли в виде языковых или даже языковедческих схем, то ли в форме тех смысловых структур, из осознания которых они были выделены, то ли в связи с теми вторичными процессами речи-мысли, которые возникают вокруг этих синтаксических организованныхностей (рис. 047).

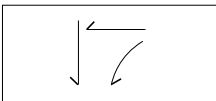

Рис. 047

Итак, есть два направления, два вектора, по которым разворачивается речь-мысль. Как будут организованы эти два движения и в каких синтаксических и морфологических формах они будут реализованы, зависит от массы обстоятельств. Но число этих синтаксических структур и морфологически форм ограничено.

Что значит рассматривать генезис <тюркского> предложения

1. Идет ли здесь речь об изменении схемы самого предложения или о чем-то другом?

Но сама схема может рассматриваться либо на уровне синтагматики, т.е. смыслов, либо на уровне связи *конструкций значений и значений*.

2. Второй важный момент: как мы представляем себе само предложение (что такое предложение?) – в двучленной форме (A) (–B) или (A) (B), в трехчленной (A)–(B) или, наконец, в пятичленной (A)∪–∪ (B), т. е. с учетом отношений (или связей) между связкой и именами.

Откуда взялось название «связка» (copula)? Существовал ли глагол-связка настоящего времени в тюркских языках? (Н.З.Гаджиева)¹²

1) основным объектом сравнительно-исторического анализа являются те звенья простого предложения, которые обнаруживают известную подвижность в своем развитии; таким подвижным участком простого предложения является область сказуемого;

2) развивающиеся глагольные времена и связочные средства;

3) проблема генезиса структуры предложения ... связывалась с природой сказуемого.

3. Если, говоря о развитии структуры языка, мы имеем в виду схему предложения и развитие схемы, то прежде всего должны спросить, что это такое и где и как она существует.

Есть три возможных ответа на этот вопрос: а) отдельно от предложения и до него, б) в предложении, в) отдельно от предложения и после него.

Самым естественным, на первый взгляд, кажется второй ответ. Но с точки зрения идеи генезиса он оказывается самым противоречивым. Если схема существует в предложении, все равно как – в виде его части, стороны или свойства, то неосмысленно ставить вопрос о происхождении схемы или структуры, не рассматривая вопрос о происхождении самого предложения. Но предложение не имеет естественного происхождения, ибо это – искусственно производимое изделие. Тогда начинают говорить о развитии «типа» предложения. Но что означает развитие «типа», например, развитие «лошадности»? Развитие чего мы будем при этом объяснять?

Все эти соображения имеют целью не отвергнуть такую постановку вопроса, а показать, что в таком случае речь будет идти о

¹² Советская тюркология. 1971. № 5.

совершенно особом, весьма искусственном предмете, который предполагает свой особый тип интерпретации на эмпирический материал.

Самое интересное, что благодаря понятию предмета мы совмещаем все три варианта ответа и показываем, что между ними нет никакого противоречия (рис. 048).

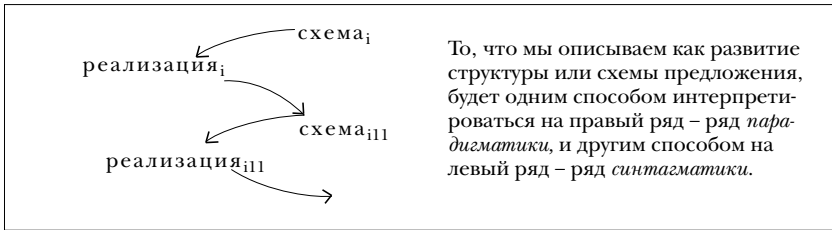

Рис. 048

А возможно все это потому, что между парадигмами и синтагмами существует совершенно особое отношение, объединяющее отношения и связи нормирования-реализации замещения, моделирования и ряд других.

4. Поэтому для нас проблема распадается на ряд подпроблем:

1) как, в силу каких условий естественно возникают, складываются новые смысловые и формальные структуры;

2) как эти новые смысловые и формальные структуры осознаются и фиксируются в качестве новых;

3) как они естественно переходят в область парадигм;

4) как новые структуры, ставшие образцами, анализируются, расчленяются, переводятся в конструкции значений и по-новому фиксируются в форме этих значений;

5) как производится конструктивное объединение этих конструкций в целостные образования в разнообразных условиях;

6) в каких условиях появляется необходимость в схеме, как она создается и фиксируется;

7) каким образом схема, после того как она создана, используется и употребляется;

8) каким образом схема становится объектом последующего манипулирования и конструктивного развития.

5. Но есть еще ряд сложных проблем, лежащих как бы «глубже» проблем связи парадигматики и синтагматики; это проблемы развития уровней «речевого мышления».

Смыслы создаются конфигурацией отнесений (и связей), устанавливаемых в ситуации вокруг текста и внутри него (рис. 049).

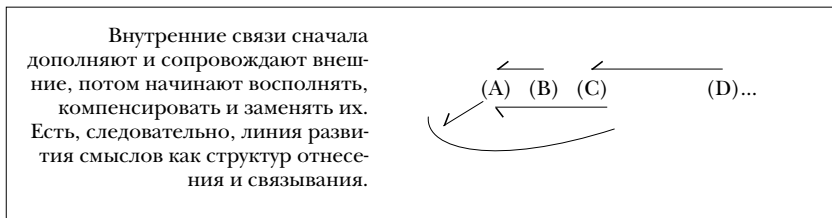

Рис. 049

Затем начинается закрепление внутренних структур текста как выражающих строго определенный смысл. Это значит, что эти структуры «поднимаются» в систему языка. Благодаря этому возникает «синтаксис».

Дальнейшее развитие смысловых структур, опирающееся уже на это закрепление в синтаксисе, приводит к появлению словосочетательных, а потом и морфологических средств выражения смысловых и синтаксических связей (в их причудливых отношениях друг к другу).

Но все эти обстоятельства как бы расщепляют процесс развития: одну линию образует развитие смыслов (в том числе благодаря синтаксису и морфологии), другую линию – развитие синтаксических структур, третью линию – развитие морфологии.

То, что обсуждает Н.З.Гаджиева – связь имени с аффиксами первой категории (аффиксы сказуемости), – это развитие морфологических форм фиксации смысла.

По поводу синтаксической концепции

Эмиля Бенвениста¹³

Различив глагольную функцию и глагол, связав глагольную функцию с основными моментами утвердительного (!?) высказывания, Бенвенист никак не изобразил ни высказывание, ни глагольную функцию. И это – очень характерно. По сути дела, ведь начинал Бенвенист с форм, и работа его заключалась прежде всего в том, что он отверг возможность исходить из этих форм и рассмат-

¹³ [Эмиль Бенвенист. Общая лингвистика. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Изд-во «Прогресс», 1974].

ривать их как целостные и определяющие явления. Анализируя и рассуждая, он выявил в понятиях функции – функции глагола и функции [глагола] в высказывании, – но у него не было языка, чтобы изобразить то, что он получил и о чем дальше рассуждает. В результате единственным объектом для него остались формы, хотя в понятиях он зафиксировал уже и функции. А далее естественно, что высказывание у него совпадает последовательно с синтаксической формой, а однословные высказывания – с морфологической или лексической формой.

Таким образом, главная беда лингвистического анализа в его неиерархированности. И все проблемы отличия предложения от слова и словосочетания обусловлены тем, что нет адекватных изображений речи-мысли, а все пространство изображения речи-мысли-языка-мышления не организовано и не иерархировано.

Мой подход, напротив, отличается тем, что я отдельно изображаю высказывание-сообщение, отдельно – организацию его знаковой формы, отдельно – конструкции значений, последние иерархирую системным образом и т.д.

Очень важно понимать, что предикативная структура предложения или высказывания в принципе безразлична к особенностям содержания, высказываемого в этом предложении. Поэтому сама эта структура есть выражение некоторого всеобщего механизма, в рамках которого (но не посредством него), во-первых, вырабатываются различные речевые и языковые формы, а во-вторых, употребляются или используются в смысле, либо совпадающем с их значениями, либо отличающемся от них.

По сути дела, у Бенвениста получилось, что то, что он называет глагольной функцией, может выполняться и без глагола. Но он тогда приписал паузе в законченном утвердительном высказывании функцию нулевого грамматического показателя глагола «быть», и у него получилось, что именное предложение в индоевропейских языках имеет такую же (он говорит мягче – «сходную», см. с. 174) структуру, как и все другие высказывания. Вместо того, чтобы увидеть в этих примерах материал для создания иного хода мысли, он проинтерпретировал его через максимально выраженную, а, следовательно, развитую форму и свел недоразвитое, редуцированное к развитой форме.

Но в этом есть свой глубокий смысл. Я исхожу из идеи (или принципа), что речь-язык идет от невыраженных форм к выраженным. И это, по-видимому, бесспорно. Но кроме того, есть, бе-

зусловно, процесс редукции и сокращения. И, следовательно, именные предложения в индоевропейских и других языках могут быть результатом и этого процесса.

Правда, здесь мы подходим к более общему и крайне интересному вопросу: каковы условия такой редукции. Вполне возможно, что они требуют, действительно, четко фиксированной языковой парадигмы и фиксации нулевых форм как значимых.

По-видимому, контрпример заключался бы в том, чтобы мы нашли предложение с глаголом, где глагольная функция (по Бенвенисту), или предикация (в наших терминах), осуществлялась бы чем-то иным, нежели глаголом. Но Бенвенист уже учел этот контрпример, разделив функцию утверждения (и функцию связи) и морфологическую форму. И тогда, действительно, мы не увидим никаких различий в структуре предложения – «с точки зрения функциональной оба типа эквивалентны» (с. 174). Но вопрос в одном – при каком представлении изучаемого объекта и с помощью каких средств анализа мы устанавливаем эту функциональную эквивалентность: или, другими словами, как надо представить предложение, чтобы все эти, столь различающиеся между собой по знаковой форме, высказывания выглядели бы как одинаковые.

И это важнейший вывод, который мы должны сделать из анализа работ Э.Бенвениста. Кроме того, своим анализом я показываю, что можно построить схемы последовательного генезиса и ввести предикацию, не апеллируя к формам глагола и к глагольной функции как таковой (кстати: как он её вводит и в чем он её выражает?).

Но именно в этом контексте приобретают особое значение *односоставные предложения*. Подобно всем другим видам (точнее – структурам) предложений, односоставное предложение может быть как генетически исходным, так и результатом сложного процесса генетических редукций и усечений.

Но в тех случаях, когда мы берем генетически исходные формы (или считаем, что эти формы генетически исходные), мы тем самым фиксируем и устанавливаем, что так называемая *глагольная функция* ещё не выявилась и не развернула себя до двух компонент: нет никакой связи «горизонтального» или *формального* типа.

Но у нас есть (или, во всяком случае, должен быть) метод, позволяющий разделить и развернуть эти два момента. Он заключен в принципе, что значение предиката свертывает в себе моменты предикативной структуры. Если мы имеем имя, то ведь нельзя

предполагать, что оно в своем значении свертывает специфически глагольные функции. Правда, Бенвенист скажет, что оно предполагает невысказанный глагол-связку «быть». Но тогда придется говорить, что во всяком назывании предполагается и должна быть произнесена эта связка: «[есть] дом», «[есть] Иван» и т.п.

Но самое главное и самое интересное, что я показываю в дальнейшем, это то, во-первых, что сама эта связка несет на себе много разных символов, фиксируемых потом в массе различных значений (в показе этого и заключается суть дела), а во-вторых, что одним из этих смыслов является повторение и воспроизведение отношения (или связи) отнесения; тогда первый из знаков номинативного комплекса приобретает функцию предмета-заместителя.

Но это, как я уже сказал, только одна из возможных компонент смысла связки. Ибо, во-первых, формальная связка воспроизводит связку отнесения (во всяком случае, ту её компоненту, которая проходит параллельно формальной связке; здесь, следовательно, надо заложить процедуру разложения на составляющие) (рис. 050).

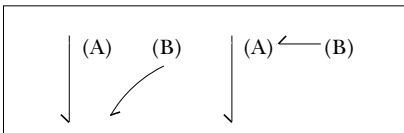

Рис. 050

Но, кроме того и во-вторых, она изображает и воспроизводит нечто существующее или происходящее в плоскости содержания (и в плоскости объектов-операций); во всяком случае, трактовка предложения и высказывания как выражения знания требует этого.

Именно с этого момента начинается развитие теории связки в рамках логики, и это развитие, в свою очередь, детерминирует массу линий развития речи-языка. Сюда попадут все разнообразные трактовки связки как выражающей связь вещи и свойства, как выражающей отношение предмета к классу, класса к классу и т.д., а также все гносеологические и эпистемологические разработки, касающиеся оснований и «причин» установления связки.

Но что во всем этом хочет и может сделать лингвистика? Ключ к ответу на этот вопрос нам могут дать слова Э.Бенвениста:

«...Как только мы принимаем решение считать их относящимися к одному и тому же типу и тем самым в равной степени

правомерными, мы яснее видим, чем они различаются в зависимости от того, выполняет ли глагольную функцию форма из класса глаголов или форма из класса имен.

Различие является следствием тех свойств, которые присущи каждому из указанных классов. В именном предложении элемент, выполняющий функцию утверждения, будучи именем, *не способен* принимать характеристики, которые несет глагольная форма: временные, личные и др. признаки. Утверждение приобретает свой особый характер именно в силу отсутствия связи с временем, лицом, наклонением, короче говоря, в силу того, что оно сосредоточено на одном члене, сведенном исключительно к своему семантическому содержанию. Другое следствие состоит в том, что именное утвердительное предложение не может иметь и другого важного свойства глагольного утвердительного предложения, а именно способности устанавливать связь между временем события и временем речи об этом событии. Именное предложение в индоевропейских языках утверждает некоторое «качество» (в самом широком смысле этого слова) как присущее подлежащему высказывания, но вне всякой временной или другой соотнесенности и вне всякой связи с говорящим».

В этом тексте, на мой взгляд, отчетливо проявляется, что генетические проблемы все же чужды Бенвенисту, несмотря на его огромное чувство историзма и ненатуральной, исторической природы языка. Имя у него, как и глагол, уже даны, уже сложились, сформировались, и именно они (и только они) благодаря специфике своих значений могут выразить соответствующий смысл и содержание предложений.

Но откуда берутся эти специфические значения – такого вопроса Бенвенист не то, чтобы не ставит (это его законное право), а не предполагает. В результате он совершенно не учитывает относительной независимости смысла и мысли и того, что фиксированные значения (в том числе – в морфологии и грамматике форм) дополняются *свободным* смыслообразованием (свободным относительно фиксированных грамматических значений), учитывающим всю ситуацию и заданное ею содержание.

Именно это, т.е. реальная объектно-операциональная ситуация и рефлексия относительно текста, развертывающаяся в рамках процесса понимания заданного текста – порождает новый смысл и новое содержание, выходящие за пределы смысла и содержания, заданных фиксированными значениями грамматичес-

ких форм слов, входящих в предложение. Но именно на это мы должны направить свой анализ, чтобы показать, как возникают новые грамматические категории и новые смыслы.

Для этого сначала мы должны сконструировать возможные схемы такого анализа и порождения новых смыслов и нового содержания. Пока ясно только то, что этот анализ предполагает учет как механизмов коммуникации, так и механизмов мышления. Важными конституционными элементами в этом процессе будут:

- 1) условия и механизмы деятельности и мысли в исходном слое ситуации;
- 2) условия и механизмы понимания (включая туда разные формы надстроечной рефлексии);
- 3) условия и механизмы вторичного мышления – по поводу знаковых структур (в том числе наборы уже существующих категорий).

Одним из важнейших в этом контексте должно стать противопоставление категорий «предмет–атрибут» и «субъект–действие–объект».

Бенвенист устанавливает для них единое генетическое основание, *сводя* как глагольные, так и номинативные формы к единой праформе. Но вопрос в том, удалось ли ему *вывести* как одно, так и другое. По сути дела он (во всяком случае пока) работает не с глаголом вообще, а только с глаголом «быть», т.е. с глаголом, выполняющим целый ряд функций, и которая из них является исходной и собственной, а которая вторичной – не ясно.

Предметом мысли должно стать действие, а формы могут быть только предикатными (или любыми, которые есть к этому времени).

К эмпирическому анализу явлений, связанных с «пониманием текста»¹⁴

1. «Понимание текста» – термин, который мы хорошо понимаем и которым широко пользуемся, но для которого до сих пор не выработано понятия. Объясняется это, наверное, тем, что понимание (в его разных видах и типах) – одно из самых сложных явлений духа; оно рассматривается с разных сторон в лингвистике, эпистемологии, психологии и теории сознания, но ни одна из перечисленных дисциплин не дает подлинно теоретического описания его: сейчас нет не только удовлетворительной модели понимания, но даже неясно, в рамках какого научного предмета и в какой онтологии нужно эту модель строить – средствами психологии, теории сознания или же теории деятельности. Из-за этого многим исследователям приходится идти по пути эмпирического выявления зависимостей между интуитивно выделяемым «пониманием» и другими факторами сознания, психики или деятельности.

2. Эмпирическое исследование, из данных которого мы исходим в этом сообщении, проводилось на материале решений простых арифметических задач детьми дошкольного и раннего школьного возраста; его цель состояла в том, чтобы выявить схемы, процедуры и основные элементы способов решения арифметических задач¹⁵. При этом явления понимания не были предметом наших непосредственных интересов, но схема исследований деятельности детей была такова, что позволила выявить ряд интересных изменений в характере понимания текста условий задач в зависимости от изменений других элементов деятельности; эти данные могут быть использованы в качестве эмпирического материала при обсуждении проблемы понимания текста.

3. Как правило, вывод о «понимании» (или, соответственно, «непонимании») текста условий задачи делается на основании того, могут ли дети дать ответ на вопрос задачи и записать процедуру решения или же, напротив, не могут это сделать. Например,

¹⁴ 1970 г. В соавторстве с С.Г.Якобсон.

¹⁵ [Г.П.Щедровицкий, С.Г.Якобсон. К анализу процессов решения простых арифметических задач. Сообщения I-V // Доклады АПН РСФСР. 1962. № 2-6; Г.П.Щедровицкий. Исследование мышления детей на материале решений простых арифметических задач // Развитие познавательных и волевых процессов у дошкольников. М., 1965].

многие учащиеся I и даже II класса легко решают так называемые «прямые задачи», но испытывают затруднения с «косвенными», и тогда говорят, что они «не понимают» текста, в котором изложены условия такой задачи.

Более тонкий анализ, однако, ставит под сомнение этот вывод: дети, испытывающие затруднения в решении «косвенных» задач, фиксируют все моменты ситуации, описанной в условиях, и могут восстанавливать саму ситуацию на людях, следовательно, они достаточно хорошо понимают текст условий; кроме того, возникает вопрос, почему они понимают текст условий «прямых» задач и не понимают текста условий «косвенных» задач, выраженного в тех же самых словах.

Чтобы преодолеть подобные затруднения в объяснении, исследователям пришлось выделить так называемый «математический смысл», понимание которого необходимо для решения «косвенных» задач (и не требуется почему-то для решения «прямых»). Таким образом, началось иерархическое членение «смысла» текстов и, соответственно этому, иерархическая организация явлений понимания. Они должны быть продолжены и углублены с учетом того обстоятельства (детально проанализированного и описанного в наших исследованиях), что во многих случаях дети дают ответ на вопрос задачи, но, одновременно, не могут правильно записать решение в виде заданного каноном арифметического выражения. Раз ответ дается – а это значит, что находится решение задачи, – мы уже не можем говорить, что дети не понимают текста условий задачи или ее «математического смысла».

Более того, проведенный в нашем исследовании сравнительный анализ деятельности дошкольников и младших школьников показал, что дошкольники, обученные счету и умеющие моделировать числа в предметных совокупностях, одинаково хорошо понимают текст условий как «прямых», так и «косвенных» задач, а когда их в школе начинают обучать каноническим способам собственно арифметического решения задач, они вроде бы перестают понимать текст условий «косвенных» задач. Таким образом, понимание (и, следовательно, непонимание) текста условий задачи оказалось зависимым от средств и процедур решения, т.е. от того «способа деятельности», каким ребенок пользуется или хочет пользоваться для решения задачи.

Эта зависимость, выявленная в ходе частных наблюдений и сформулированная, с одной стороны, в виде частной эмпирической

кой констатации, а с другой стороны, в виде общего абстрактного предположения (для последнего было необходимо понятие о «способе деятельности»), проверялась затем инженерно-конструктивным путем: чтобы передать детям то понимание математического смысла задачи, которое необходимо для собственно арифметического решения ее, мы вводили в деятельность детей специально созданные знаковые средства, учили действовать с ними, и усвоение этих средств каждый раз приводило к появлению нужного нам понимания текста условий задачи и изменению прежнего. Характерным образцом таких средств могут служить карточки, изображающие отношение целого и частей, с помощью которых мы добивались единообразного понимания математического смысла всех простых арифметических задач¹⁶. Примечательно также, что при алгебраическом способе решения простых арифметических задач дети не нуждаются уже ни в этих средствах, ни в подобном понимании, но к ним приходится вновь прибегать при обучении решению сложных задач¹⁷.

4. Указанные выше данные (и все подобные им) могут рассматриваться как частные «модели фактов» для будущей теории понимания. Из этих фактов нельзя вывести какие-либо предположения или утверждения относительно самого понимания; такая возможность появится лишь после того, как эти данные будут включены в какой-либо научный предмет, описывающий понимание, и соотнесены со специальными теоретическими моделями, выведенными из онтологии этого предмета.

---

¹⁶ [Г.П.Щедровицкий, С.Г.Якобсон. Сравнительный логико-психологический анализ способов решения арифметических задач (на укр. языке) // Радянська школа. 1964. № 6.]

¹⁷ [Н.Г.Алексеев. Формирование осознанного решения учебной задачи // Педагогика и логика. М., 1993].

Текст и мышление*

В последнее время мне приходится постоянно сталкиваться с такими текстами, которые не дают возможности восстановить тот ход мышления, который осуществлял автор, когда он этот текст писал. И меня очень занимал вопрос, почему так происходит и что, собственно говоря, отличает одни тексты, которые кажутся содержательными, выразительными и доступными для понимания и воспроизведения той системы мышления, которая в них выражена, от других текстов, в которых ничего этого нет.

В связи с этим мне пришлось поставить вопрос о том, какими же бывают вообще, в принципе, разные тексты, какие требования мы должны предъявить к так называемому правильному тексту (выражение «правильный» я потом буду расшифровывать и раскрывать по целому ряду параметров). И в такой постановке вопроса для меня сочетались, с одной стороны, практическая заинтересованность и некоторые методические задачи¹⁸, а с другой – собственно теоретический интерес, потому что все это весьма своевременно рассмотреть в плане традиции, как это рассматривалось, скажем, в риторике, стилистике и в феноменологии (в смысле И.Г.Ламберта, т.е. в теории ошибок, или типичных ошибок речи).

Первое, что я здесь зафиксировал, опираясь на тот анализ, который мы проводили раньше, – это то, что есть два полярных типа текстов, из которых первый *ориентирован на конструирование и задание некоторого содержания (или плоскости содержания)*, а второй *ориентирован на смыслообразование*. Я могу, правда, сказать и иначе: есть тексты, которые позволяют нам восстановить и воспроизвести мыслительное содержание, а есть тексты, которые, в принципе, не позволяют этого сделать, они позволяют лишь извлекать или образовывать какой-то смысл.

Вы легко можете заметить, что я по существу здесь не вношу еще ничего нового сравнительно с тем, что мы обсуждали на последних моих лекциях в ЦНИИПИ. Там я задавал структуры смысла, связанные с каждым текстом в системе коммуникации, и подчеркивал, что возможно такое понимание, которое создает этот

---

* Фрагмент стенограммы заседания семинара ММК 3 мая 1973 г. (арх. № 0029). В обсуждении участвовали: Дмитрий Аросьев, Елена Иванова, Валерий Максименко, Владимир Овсяник, Роман Спектор, Андрей Пузырей, Николай Щукин.

¹⁸ Мне хотелось бы, чтобы потом из этого я мог бы извлечь правила или принципы для собственной работы.

смысл или воспроизводит смысл, как бы заложенный в тексте, содержащийся в нем. Это имеет место в тех случаях, когда человек, понимающий этот текст, может включить его в определенную ситуацию и воспроизвести ее, но при этом с самой ситуацией он ничего не делает. Он не производит там никаких преобразований одних единиц содержания в другие, а, следовательно, текст выступает как чисто описательный или как чисто ситуативный, т. е. включающий человека в определенную ситуацию, позволяющий ему эту ситуацию каким-то образом воспроизвести. Но при этом (я этот момент повторяю еще раз и подчеркиваю его) тот, кто понимает текст и восстанавливает ситуацию, не работает в ней, он в ней ничего не делает. А поэтому ему, в принципе, достаточно только структуры смысла и очертаний или очерчиваний самой ситуации, привязанной к этой структуре смысла или задаваемой ею.

На лекциях я также говорил о том, что мышление предполагает еще дополнительные работы. Само по себе смыслообразование не есть мыслительная работа. Оно может стать элементом или моментом мыслительной работы, но только при условии, что это будет такое смыслообразование, на основе которого затем будут заданы определенные единицы содержания, т. е. будут созданы организovanности, или конструкции содержания, и в них начнется специальное и дополнительное движение.

При этом в одном случае это будет движение, осуществляемое понимающим текст независимо от текста. Такое тоже может быть. Тогда в самой коммуникации будет спровоцировано лишь смыслообразование. Мыслительную работу слушающий и понимающий будет проводить сам, так сказать, в связи со своими специфическими целями, задачами, установками и средствами.

В другом случае конструирование единиц содержания и дальнейшее развертывание их будет происходить согласно тексту и по логике этого текста, т. е. сам текст в таком случае должен содержать что-то, что направит мыслительную работу и будет ею управлять.

Здесь я уже начал выходить за границы того, что я обсуждал в лекциях в ЦНИИПИ. До этого момента я лишь опирался на различие *понимания, смыслообразования и мышления* как определенных преобразований единиц содержания. Причем мне сейчас не важно, как они заданы. Реально же они всегда заданы в некоторой форме или представлены в виде некоторой организovanности, но важно, что начинается преобразование этих единиц, и именно это преобразование задавалось нами как мышление. Теперь же, задав

эти различия и эти два полярных типа, я подхожу к тому, чтобы поставить вопрос: *собственно, чем же отличаются, будут отличаться или должны отличаться друг от друга **тексты**, одни из которых дают возможность лишь образовывать смысл, а другие точно так же, – точнее, в дополнение к этому, – совершать еще мыслительную работу?*

Я теперь оборачиваю все это, и все, что я сегодня говорю, не есть простое повторение того, что я говорил на лекциях, а в известном смысле продолжает их. Я теперь хочу противопоставить: понимание – только смыслообразование, не позволяющее осуществить процесс мышления (это – один случай), и понимание как дающее эту возможность (это – второй случай). Я теперь только с этой точки зрения, сквозь призму этого поляризованного различия хочу взглянуть на сам текст.

Я сказал бы, что я беру текст как он есть, хотя вы сами прекрасно понимаете, что сказать, что я беру текст как он есть, очень сложно. Дело в том, что текст вне понимания и вне дальнейших процессов мыслительной работы вообще не есть текст. Но я действительно беру его так, как он есть, т.е. в числе прочего и в его знаково-материальной выраженности.

Повторяю. Я хочу теперь сквозь призму очерченной оппозиции (чистое смыслообразование или смыслообразование, сопровождающееся мышлением, т.е. восстановление единиц содержания и преобразование их) взглянуть на текст, хочу поставить вопрос: а, собственно говоря, чем же будут отличаться друг от друга эти тексты?

Максименко. Мне непонятен один момент, который заключен в следующем. Вроде бы раньше, когда вы говорили о понимании и смыслообразовании, то предполагали, что как таковое оно не может существовать, не может быть просто чтение текста, а обязательно должно быть чтение с последующей ориентацией на процедуры деятельности. Теперь же вы, противопоставляя и выделяя понимание, говорите, что последующая деятельность вообще может быть устранена для анализа понимания.

Это законный вопрос; но тут я лишь смогу повторить то, с чего я начинал, преамбулу. Дело в том, что, конечно, когда я говорил о процессах понимания, я подчеркивал, что процесс понимания образует как бы начальную, подготовительную стадию процессов мышления, и они даже органически друг с другом связаны, и понимание есть, в известном смысле, момент мышления. Это диалектическое отношение между пониманием и мышлением, усло-

вие их противопоставленности и условие их слияния я обсуждал довольно подробно. При этом я всегда брал процесс понимания в контексте мышления, ибо меня всегда интересовало мышление, и резче – только мышление, во всяком случае, в моих практических установках. Но затем я начал сталкиваться с текстами докладов и с текстами статей, где я обнаруживал отсутствие мышления.

Максименко. Но это же в вашем «чтении»...

Ну да, действительно, в моем чтении. Поэтому я и начал дальше анализировать. Первый вариант такой (альтернативный): это я не могу понять... Но тогда интересно, чего мне не хватает и почему я ...

Дело в том, что я получаю текст, при этом предполагается, что эти тексты мне знакомы, так сказать, по ареалу, следовательно, средства мне даны. И я должен получить из этого текста сообщение о некоторой мыслительной работе, которая была проделана, «след» (здесь слово «сообщение» я употребил неправильно). Значит, я должен получить форму или «след» некоторой проделанной мыслительной работы. Этот текст должен быть таким, чтобы я понимал именно так, как вы этого требуете, чтобы я понял, восстановив заложенное туда мышление, развернул бы его, проделал это и убедился, соответственно, в правильности или истинности этого текста.

Но все мои попытки проделать такого рода работу заканчивались неудачей. Я начал спрашивать себя, в чем дело, чего мне не хватает в этом тексте, почему я не могу извлечь из него мыслительную работу. Я при этом могу предположить, что автор текста такую мыслительную работу проделал, он даже написал текст статьи, но! – говорю я теперь: он не смог выразить свою мыслительную работу в этом тексте, или, иначе, он построил текст таким образом, что его мыслительная работа в этом тексте не получила выражения.

И тогда с этого момента я и спрашиваю: что же я должен сказать автору этого текста, оценивая его работу, что, собственно говоря, он должен делать, каких принципов построения текста он не соблюдает, чего у него там нет, почему ему не удалось выразить свое мышление?¹⁹

¹⁹ Я дальше буду обсуждать и другой вариант, когда мышления не было, но сейчас я предполагаю, что мышление было, но оно не выражено.

Я могу встать во внешнюю позицию по отношению к самому себе и проанализировать, что же при чтении мне удастся сделать, что я могу сделать, что мне дает возможность «перечитать» этот текст в ходе понимания его и попыток реконструировать мышление автора – и чего, наоборот, он не дает возможности сделать.

Максименко. Тогда получается, что главным условием анализа, который вы собираетесь проводить, является требование, чтобы текст был выстроен в своих формах (или в чем-то другом) таким образом, чтобы содержание его было «видно»...

Чтобы оно там присутствовало; чтобы там присутствовало и передавалось мне определенное мыслительное содержание.

Максименко. Но, с другой стороны, вы уже ответили на этот вопрос («Чего же не хватает этим текстам?»), сказав, что преобразование одних единиц содержания в другие происходит в ситуации! Это значит, что в ответ на условие или требование вашего анализа всегда есть контрответ, который заключается в том, что без воспроизведения ситуации понимание автора читателем невозможно в принципе. Но тогда это превращается, в общем-то, в совершенно банальную вещь.

Овсяник. В чем может заключаться вопрос, если само разделение с самого начала двух видов текстов уже предполагает те требования, которые вы намереваетесь вывести?

Как это предполагает? Вы хотите мне сказать, что вы знаете, какой текст обеспечивает мыслительную работу и какой, наоборот, не обеспечивает. Я еще раз повторю то, что сказал...

Ну, действительно, будем исходить из того, что для адекватного понимания я должен восстановить ситуацию, в которой действовал, в частности мыслил, говорящий или пишущий. Спрашивается, как я могу восстановить эту ситуацию? Одно из двух: либо эта ситуация у меня уже есть независимо от текста (она мне задана), я в ней нахожусь (точно в такой же ситуации), либо у меня есть такой набор средств, который дает мне возможность восстановить эту ситуацию, опять-таки безотносительно к тексту. Но тогда текст, по сути дела, выступает в своей крайней форме как сигнал, включающий определенный тип ситуации и мою независимую работу.

Я утверждаю, что читаемые мною авторы на это и рассчитывают. Но! Какое они имеют на это право, какие основания они

имеют для этого? Ведь мне-то представляется, что текст должен быть таким, чтобы он позволял на основе некоторого минимума языковых значений и некоторых стандартных ситуаций восстанавливать, исходя из него самого, все разнообразие их мыслительного содержания.

При этом я понимаю, что мы здесь сталкиваемся с весьма интересной соотносительностью. Это – вещь действительно банальная, она давно зафиксирована. Люди, которые живут в одной ситуации, могут общаться между собой междометиями, не развертывая, в принципе, никакого текста, но тогда уже не будет текста, а будут чистые сигналы (например, словоупотребления, как у Ф.Достоевского в «Мертвом доме»). Но (я подчеркиваю) на другом полюсе стоят не коммуникативные, а, скажем, собственно транслятивные (или обучающие) тексты, где, по идее, текст должен заключать в себе все, что нужно для восстановления ситуации, а также мыслительного содержания в ней, за исключением некоторых общих языковых значений, или общего знания языка.

***Спектор.** Можно обладать тем минимумом средств, который позволил бы из нормированного текста понять все возможные ситуации?*

Нет, не все. Важно, чтобы текст фактически задавал и определял ту ситуацию, которую создаст, построит слушатель и понимающий и в которой он осуществит строго определенное мыслительное движение, опять-таки, заданное и нормированное не его предварительным независимым знанием ситуации и процессов мышления, а заданное и нормированное этим самым текстом.

***Спектор.** Чем это будет отличаться от инструкции?*

Откуда я знаю, чем это будет отличаться от многих разных вещей? Я не думал на этот счет. Это, скорее, задача для вас.

***Овсяник.** Иначе говоря, в данном случае не рассматривается позиция создающего текст, его разного рода intersубъективные моменты, а рассматривается текст, создаваемый как бы в объективной позиции и заключающий в себе ту нормированную деятельность, которая и должна отвечать данной ситуации.*

В известном смысле это так, поскольку я рассматриваю, опять-таки, все это с точки зрения мышления. У меня ведь тема такая – «Текст и мышление». Я бы мог взять текст в других отношениях, например, «Текст и любовь», или, скажем, «Текст и сопер-

живание», «Текст и общение», и тогда я был бы вынужден рассматривать все это в другом ракурсе и в другом плане.

Овсяник. Но тогда необходимо установить различные типы текстов, отвечающие разным нормам. Кроме того, должны быть заданы те механизмы по выявлению элементов ситуации, единицы содержания, которые должны соответствовать каждому типу текстов.

Ну, это в дальнейшем.

Спектор. Я думаю, это не требование к Георгию Петровичу. Мы сами должны строить типологию текстов, чтобы знать каждый раз, о каком тексте вы говорите, связывая его с мышлением. Сама тема накладывает ограничения на афеал...

Не совсем... Если пока нет вопросов, то я продолжу. Итак, получается, что, беря текст в отношении к мышлению и определив само это отношение таким образом, я могу теперь задать целый ряд различных характеристик текста с точки зрения «присутствия в нем» мышления и мыслительного содержания, Я, например, могу говорить о дефициентности текста относительно мыслительной работы, предполагаемой актом коммуникации. И это будет некоторая обобщенная оценочная характеристика текста, примерно близкая к таким оценочным характеристикам, как «правильный» или «неправильный» текст. Далее, я могу говорить о «содержательности текста» и степени его содержательности, предполагая, что в нем представлена большая или меньшая часть необходимого содержания. Это в какой-то мере близко, хотя и во внешнем плане, к тому, что Ю.Шрейдер называл «тезаурусом» или как-то связывал с понятием тезауруса. Каждый раз степень содержательности текста будет определяться теми дополнениями из системы средств (или за счет фантазии), которые мне придется вводить для того, чтобы обеспечить извлечение мыслительного содержания.

В известном смысле характеристикой, обратной характеристике «содержательность текста», будет характеристика «произвольность выбранной мной стратегии», или «мера свободы в осуществлении того или иного типа мышления в связи с данным текстом». Иначе говоря, если при заданном тексте можно осуществить несколько разных типов мышления, понять текст так или иначе, то это будет означать, что меняются, скажем, какие-то характеристики содержания. Наверное, так же можно было бы гово-

речь о «степени выразительности» текста, опять-таки, в отношении к содержанию, в такой, например, манере – «степень выразительности содержания».

Я привожу это все пока как очень свободные и неуточненные примеры, поскольку, как вы хорошо понимаете, это должно быть расчленено, должны быть заданы какие-то критерии, и только после этого все эти термины приобретут операциональный и понятийный смысл. Мне важна здесь сама идея или сам принцип. Какие же именно характеристики будут вводиться – это несущественно. В конечном счете, наверное, можно говорить о той или иной степени адекватности или неадекватности самого текста мыслительным задачам и процессу мышления, который должен быть вызван или передан.

Этим я закончил изложение кусочка моего сообщения.

***Спектор.** Что вы имели в виду, когда говорили о тезаурусе и «фантазийных» или воображенческих средствах? Имели ли в виду возможность построения или воспроизведения ситуации мышления?*

Я не говорил так. Я говорил и применял более широкую характеристику. Я говорил о возможности осуществить мыслительную работу. На основе текста.

Я не употребляю слово «тезаурус» в отношении к выражению «воспроизведение ситуации мышления». Я сослался на этот термин, который широко используется у нас сейчас, причем в весьма разных смыслах (там нет, следовательно, достаточной точности), и лишь подчеркивал одну вещь, а именно то, что Ю.Шрейдеру тоже было важно зафиксировать относительность набора средств, или соотносительность набора средств и коммуникативной развернутости текста, или в данном случае, как я сказал бы точнее, мыслительно-выразительной развернутости текста. Вот и все.

Я настаиваю, что есть два полярных случая: один – когда ситуация и способ работы в ней заданы средствами до начала коммуникации и безотносительно к ней (коммуникация лишь включает все это), и второй – когда сама ситуация задается и определяется (это – полярный случай) фактически только текстом, и только получив текст, надо иметь возможность восстановить ситуацию и осуществить мыслительную работу. Это – единственное, на чем я настаиваю, все же реальные случаи лежат где-то между этими двумя полярными.

Овсяник. Это означает, что вы не будете говорить о возможности интерпретации текста с точки зрения каких-то заданных схем, хотя, по идее, должно быть такое?

Дело в том, что для реальных ситуаций, вероятно, всегда придется брать обе оси – ось заданности средств и ось коммуникативного текста. Но, наверное, я не буду делать того, о чем вы говорите.

Овсяник. Я говорю об этом, исходя из следующего соображения. Если мы ставим задачу рассмотреть, присутствует ли в тексте мышление, или восстановить ситуацию с заданным содержанием (которое выражено в тексте), то мы, по сути дела, должны уже иметь тот набор понятий и категорий, с помощью которых мы могли бы анализировать текст.

Да, конечно, и дальше я буду об этом говорить.

Иванова. Когда мы восстанавливаем мыслительное содержание, реконструируем ли мы действительный процесс мышления, т.е. тот, который происходил в голове автора, или же какой-то эталон?

Нет, поскольку я ставлю в данном случае свою проблему совсем иначе. Мы никакого процесса мышления изображать или описывать не будем. Нас вообще не интересует автор. У нас есть текст, и мы хотим, чтобы он был понятный, ясный, наглядный, чтобы, прочитав его, я мог бы проделать соответствующую мыслительную работу, ту, которая там зафиксирована, а не застыть в столбняке на каком-то месте текста.

Я поясню еще раз ситуацию. Предположим, я читаю текст по лингвистике, например, Г.П.Мельникова. Что я здесь «вычитываю»? Где-то текст списан у кого-то (причем один к одному и без соответствующих ссылок), где-то переписан, но при этом что-то непонятно или упущен контекст и поэтому пропущено то существенное, что там было, где-то он сам выразил свою мысль или образ своего сознания, но при этом выразил таким образом, использовал для себя такую систему символов, что ему кажется, что он что-то сказал, но мыслительной работы (той, которую он проделал) он вообще не перевел в текст, в принципе, или он вообще не имел мыслительной работы, поскольку он не причастен к мышлению.

Иванова. Наша работа, следовательно, заключается в том, чтобы установить, где он думал, а где он ...

Нет, наша работа состоит в том, чтобы самим научиться писать тексты, содержащие или выражающие мышление. Для этого нам просто надо понять, какие тексты выражают мышление, а какие тексты не выражают его. При этом меня сейчас вообще не интересует, какое это будет мышление.

Дальше мы должны будем определять, что такое вообще мышление и т.д., но я сейчас работаю на значительно более грубом уровне: я фиксирую один, на мой взгляд, очень интересный факт. Дело в том, что существует даже такая литература (причем специальная), которая, скажем, называется околонуучная, популяризаторская, иногда – псевдонаучная, и которая построена таким образом, в принципе. Классическим образцом такой книжки является «Становление и сущность системного подхода»²⁰. Между прочим, вполне возможно, что она так и задумана, причем я могу понять, как рождается такая книжка. Имеется целый ряд мыслительных текстов, которые надо проработать и понять. Авторы проработали все эти тексты и поняли их, но не на уровне мышления, т.е. восстановления, повторения и воспроизведения того мышления, которое в этих книгах было заложено, а на уровне именно понимания. А это значит, что в результате такой работы, которую они, читая, проделали по многим текстам, может родиться книжка, потому что то, что они поняли, они выразят в некотором тексте, выразят все приобретенные ими смыслы. И этот текст будет нести и выражать в себе их смыслы. Причем когда человек, знающий всю эту ситуацию, читает, он может очень многое понять. Он может понять, что и где они читали, почему они пишут так, а не иначе, увидит там массу сложнейших отношений, скажем, партийных «отбрасываний» или, наоборот, принятий (групповых). Но человек, не включенный в эту ситуацию, ничего из этой книжки никогда не извлечет для своей работы и никогда, хоть и прочтет ее от корки до корки, ничему не научится, ибо ничему там, в принципе, нельзя научиться. В ней мышление не зафиксировано вообще.

Аросьев. Тогда, следовательно, не имеет смысла говорить о требованиях к тексту самому по себе, скорее, речь должна идти о требованиях к деятельности...

Нет, но я предупредил, что я вот до этого момента предполагал, что мыслительная работа проделана, но только ее не удалось

---

²⁰ [И.В.Блауберг, Э.Г.Юдин. Становление и сущность системного подхода. М., 1969].

зафиксировать в тексте или она там зафиксирована таким образом, что она не извлекается оттуда, не переводится. Это – один случай, и другой случай – это тот, когда есть такие тексты (и их, в принципе, очень много), которые выражают некоторый смысл, т.е. результат собственного понимания, но мышление не было там зафиксировано и выражено по способу образования самих этих текстов, по той предварительной работе, которая проделывалась перед написанием этого текста. Такое тоже есть.

Аросьев. Значит, это все-таки разные вещи, т. е. та мыслительная работа, которую хотел передать человек, и деятельность, производящая текст.

Да, но теперь, когда я все обернул и когда я фокусирую все на тексте и спрашиваю, каким должен быть текст, чтобы содержать, выражать или передавать определенную мыслительную работу, для меня это различие уже теряет такое принципиальное значение.

Аросьев. Непонятно, почему к тексту, а не к деятельности производящего текст?...

Нет, такой вопрос тоже должен быть поставлен, но я сейчас обсуждаю текст и мышление.

Максименко. В начале первой части вашего сообщения была зафиксирована такая ситуация, когда текст должен быть по своей «задумке» ориентирован на некомуникативную ситуацию, а функционирует он по своей функции всегда в ситуации коммуникации. Этот момент и обуславливает тот факт.

Нет, я этого не говорил, даже не подразумевал, это лежит где-то далеко за пределами того, что я хотел сказать.

Максименко. Если у автора текста и читающего общая ситуация, то тогда текста, в принципе, не нужно. Если же ситуации разные, то это будет не ситуация коммуникации, а ситуация трансляции.

Я понял; но теперь я отвечу совершенно иначе. Дело в том, что параллельно с этой серией докладов я делал недавно два доклада на Сенежской студии²¹ в дискуссии с основными идеями сообщения Олега Генисаретского, которое называлось «Методическая ре-

---

²¹ [Центральная экспериментальная студия Союза художников СССР].

флексия и методическая коммуникация». В выступлении по докладу Генисаретского я действительно старался проводить мысль, похожую на то, что вы сказали. Я различал три понятия: общение, трансляция и коммуникация. Я показывал, что за современным увлечением коммуникацией, по сути дела, как мне представляется, следует атомарность и индивидуализация современного человеческого общества сравнительно с предшествующими стадиями его развития. При этом, по сути дела, господство коммуникации в человеческом общении означает деградацию и развал этого общества, ибо коммуникация, на мой взгляд, есть, в принципе, вещь бессмысленная, можно сказать, людям не нужная.

Овсяник. Вроде бы, по отношению к научной деятельности вы до сих пор утверждали обратное.

Нет. Коммуникация как таковая оправдана в одной приводящей ситуации, а именно когда начинается включение человека в систему кооперированной деятельности. Чтобы начать этот процесс, нужна в качестве некоторого подспорья коммуникация. Само общение между людьми представляет собой либо совместную организацию кооперированной деятельности, в которой коммуникация не нужна, либо всегда трансляцию, которая вообще не есть коммуникация. И в этой связи при обсуждении моего доклада очень интересные вещи говорил Розенблюм. Мы затронули тему воспитания и неудач современного общества в воспитании. Мы обсуждали вопрос, зачем нужна коммуникация, мы говорили, что через трансляцию можно научить технологии, но почему не создаются ценности. Он в связи с этим сказал, что когда раньше, в средние века, подмастерье или ученик растирал краски, бегал за продуктами в лавочку, участвовал во всей этой жизни, то он был членом семьи, и все годы учебы он, практически, включался не в технологию работы, а в способ жизни, он принимал систему отношений, ценностей и т.д., что через коммуникацию в принципе, по-видимому, не передается.

Но для этого нужно было бы поставить вопрос совершенно иначе. Нужно было поставить вопрос так: чего можно достичь с помощью коммуникации и что может передаваться в коммуникации? И вот оказывается, что если нечто передается, то не через коммуникацию как таковую, а через трансляцию. Коммуникация же есть форма общения индивидов (двух), каждому из которых ничего не нужно от другого. Каждый живет как бы в своем самом собой построенном колпаке, и они функционируют без какого-либо

реального контакта между собой, они живут рядом, но по-раздельности. Итак, я, кажется, правильно понял ваши замечания, но я этого вопроса сейчас не затрагивал вообще.

Видите ли, в чем дело, я даже забыл про все это, если честно... Я сейчас рассматривал все очень узко, исходя из некоторой методической задачи. Меня на самом деле интересует следующее: как должен быть построен выразительный, содержательный адекватный мышлению текст, каким требованиям он должен удовлетворять. Вот та практическая установка, под углом зрения которой я все это обсуждаю.

Но, с другой стороны, вы правы вот в чем. Я ведь, фактически, утверждаю, хотя и не явным образом, следующее: текст, обеспечивающий передачу мышления, должен быть транслятивным текстом, а не коммуникативным, т.е., как это ни странно, коммуникативный текст, в принципе, не обеспечивает мышления. Коммуникативный текст есть текст передачи смыслов, он связан с чистым смыслообразованием. Как только он начинает выражать и мышление, он начинает превращаться, по сути дела, в транслятивный текст.

Овсяник. Но это обусловлено самим характером трансляции, а именно необходимостью совершения какой-то деятельности на основе понятного текста. В коммуникации якобы такой задачи не возникает. Следовательно, можно сказать, что тексты (коммуникативные и транслятивные) необходимо рассматривать с точки зрения тех деятельностей, к которым они привязаны и которым они служат.

Можно так, это и будет называться «мышление и текст». Тогда я очерчиваю границу и рассматриваю фактически возможность передачи содержания мышления, и я спрашиваю, а каким должен быть текст для того, чтобы стала возможной передача мышления. Но я рискнул бы даже сказать, что это, по сути дела, есть разговор о тех требованиях, которые должны предъявляться к так называемому научному тексту. Реально-то меня все-таки интересует вопрос, почему тексты, которые мне присылают, или же статьи, которые я читаю, не являются научными текстами, хотя я убежден, что люди, писавшие эти статьи, осуществляли мышление и хотели зафиксировать его. И в этом состоит их жизнь.

Максименко. Тогда требование к тексту с его ориентацией на мышление может быть определено так: тот, кому этот текст предназначен, должен его не понимать, а должен про него говорить...

Нет, он должен его понять, но понять таким образом, чтобы на основе этого понимания он мог осуществить потом тот или иной процесс мышления. При этом я не обсуждаю, какой; вполне возможно, что это будет такой процесс мышления, в котором говорить про текст вообще не придется, не нужно будет.

Максименко. Что же в таком случае должен сделать тот, кто читает текст: понять и выделить содержание – или же он должен это содержание потом еще развивать, это значит, говорить про него?

Подождите немного. Теперь я привяжусь к вашему вопросу, который кажется мне очень красивым, и спрошу: а что значит понять мысль? Не означает ли это – эту мысль осуществить или проимитировать? Возможно ли понимание мысли без воспроизведения или повторения самой этой мысли? Не окажется ли, спрашиваю я, что понять можно только ситуацию, если вы употребляете слово «понять» в узком его смысле – произвести смыслообразование? А понять мысль, может быть (если говорить строго терминологически), в принципе нельзя. Мысль можно только осуществить, проимитировать. Но тогда это не означает, что вы будете говорить про этот текст и про эту мысль, хотя действительно здесь есть такая тонкость: наверное, существуют такие формы понимания, которые выводят вас в рефлексивный уровень, и вы начинаете говорить про ту мысль, которая была заключена в этом тексте. Но это отнюдь не обязательно, это только один путь, причем его нужно специально обсуждать, чтобы выяснить, что это за процедура такая и что мы при этом получаем. Я говорю, следовательно, наоборот: понять некоторый текст таким образом, чтобы извлечь из него некоторое мыслительное содержание, – это означает: на базе этого текста эту мысль осуществить.

Спектор. Но тогда пропадает мыслительное содержание в отличие от самого процесса мысли.

А вот я-то и думаю, что мыслительное содержание в отличие от самого процесса мысли не существует.

Спектор. И тогда в этом, следовательно, можно искать основание для противопоставления понимания и мышления: если мы можем говорить, что понимание псевдопродуктивно, по крайней мере, при своем смыслообразовании, то говорить о мышлении как о продуктивном (в этом же смысле слова) мы не можем.

Наоборот, мышление всегда продуктивно. Но для того, чтобы получился специфический продукт мышления, надо осуществить сам процесс мысли. Без этого продукт мышления, иначе говоря, организованность содержания, в принципе не появится. Мышление всегда продуктивно, но продуктом его является такая тонкая «штука», как содержание, а содержание может образовываться или получаться только в том случае, если вы этот процесс мышления осуществили. Тогда у вас появится продукт, называемый содержанием. Никак же иначе присвоить этот продукт – содержание, – не проделав эту работу (окольными путями), невозможно.

***Спектор.** Когда я говорю о псевдопродуктивности понимания, я имею в виду такую объективированную сущность, как смысл...*

Так это же не объективированная сущность. Она объективируется только из внешней позиции наблюдателя. Сам по себе смысл не объективируется. Содержание же объективируется. А вот после того, как вы осуществили свою мысль как процесс, появляется подлинный продукт этой мысли, который уже объективирован.

***Спектор.** В чем он объективирован – в значениях, знаках?*

***Пузырей.** Для чего он объективирован – для мысли?*

Не только. Придется вновь вернуться к понятиям «предмет» и «предметность». Дело в том, что продуктом мысли является предметность, а предмет должен остаться уже после того, как вы закончили свою работу мысли. Иначе говоря, продуктом мышления является предмет, подобно тому, как продуктом работ по изготовлению магнитофонов на заводе является этот магнитофон. Нельзя получить магнитофон, не проделав определенную работу.

Итак, если мы имеем текст коммуникации, то возникает проблема: в какой же мере текст коммуникации – или в какой мере текст трансляции – содержит предмет...

***Спектор.** А поскольку условием этого «опредмечивания», или становления предмета, является кооперированная деятельность, и каждый из кооперантов может, скажем, писать свой текст...*

Во! ... И так далее. Ясно, что здесь очевиден целый ряд очень сложных проблем.

Спектор. Тогда текстом оказывается нечто идеальное, а не то, о чем вы говорили вначале.

Конечно, это я понимаю. Это так.

Максименко. В этой предметности действительно заложено требование трансляции. Если объективируется содержание, как вы утверждаете, то все равно непонятно – для чего или для кого. И это было то, о чем спросил Андрей.

Обратите, однако, внимание на одну «вещь». То, что вы сказали, может быть, и верно. Но сейчас я начинаю играть против себя. Я говорю: что значит, что предмет создан, остался, существует, причем уже автономно от процесса мысли? Что это значит? Ведь на самом деле остался только текст.

Пузырей. Мой вопрос относился, скорее, к этой позиции. Я спрашивал, в каком смысле он объективирован. Получается, что объективирован он только для мысли, что в результате этой объективации мы можем вновь помыслить этот предмет.

Да, но я теперь возвращаюсь к началу и говорю: прекрасно, но ведь есть еще вопрос, каков этот текст. Ведь в одних текстах этот предмет будет, и поэтому я могу его помыслить, читая текст, осуществить через него свою мысль и восстановить предметность, а в другом тексте (он может быть очень длинным и очень красивым) предмета просто не будет, и я при всем желании его оттуда не извлеку, поскольку он его не содержит.

Пузырей. Мой вопрос возник из-за употребления вами слова «содержится, есть в тексте предмет или нет». Если вы считаете, что предмет содержится в тексте только потому, что я потом могу восстановить (с опорой на этот текст) предмет мысли...

Так я это и имею в виду.

Пузырей. Но тогда непонятно, почему вы связываете передачу мысли с ее изображением в тексте.

А как иначе?

Пузырей. Например, диалог-процесс не изображает мысль, которая передается.

А я бы как раз сказал, что классическим образом изображает.

Пузырей. Но тогда непонятно употребление слова «изображает». Может быть, следует говорить, что «изобразать» – это значит суметь потом этим изображением заместить то, что изображается...

Тогда я уберу слово «изобразать» и скажу иначе, так, как это соответствует моей мысли (мне же не важна сейчас терминология): тексты Платона таковы, что они лучше всего соответствуют мысли, они предельно адекватны определенному мыслительному содержанию, тому самому содержанию, которое Платон создал своим мышлением и которое, по его замыслу, должен был извлечь его читатель.

Пузырей. Понятно. В свое время вы, кажется, противопоставляли две такие возможности – текст как изображение чего-то и текст как средство смыслообразования или, скажем, восстановления в мышлении какой-то предметности. Сейчас же...

Нет, я с этого и начал сегодня.

Пузырей. Но тогда «изобразить» и «передать» – это разные «вещи».

Просто «изображение» я сегодня вообще не рассматривал; отношение изображения к объекту я сегодня вообще не обсуждал.

Шукин. Вы сказали, что мы должны стремиться к такому идеальному тексту, который был бы трансляцией. В то же время вы говорите о том, что конечным продуктом мы должны иметь такой текст, который бы заставил осуществить мысль. Но это станет возможным, если будет задана следующая схема: вы вводите в ситуацию, и это будет трансляция... Далее, мы говорили о двух уровнях процессов переработки текстов (на примере книги о системном подходе). Вы сказали, что сначала осуществляется понимание текста, потом переработка «в голове»... Таким образом, требуется трансляция и в то же время осуществление мысли, значит, мы должны дать в тексте такой полуфабрикат из трансляции и из переработки, а не давать...

Во-первых, «головы» у меня нет. Я вообще голову не признаю за что-либо... И вообще я представляю это все несколько иначе. Вот читает человек какие-то чужие тексты, в которых была зафиксирована мыслительная работа. Человек эти тексты прочел и понял. Что значит «понял»? Скажем, он говорит: «Вот тут Галилей рассказывает о том, что он делал, точнее, чего он не делал». Его интересует, что он делал и как, и потом он все это выдает в своем тексте: в какой-то книге Галилей рассказывает, что он делал, когда мыслил.

Шукин. Это тот первый уровень переработки информации, точнее, понимания информации.

Никакой информации нет, выбросьте все это... Нет ее. И так, что в этот момент происходит? Я работаю так. Вот есть некий текст, скажем, Галилея; вот есть некто, кто читает, понимает и потом выражает этот смысл в другом тексте. Теперь я спрашиваю: что понял человек, который читал? Ответ: то, что он написал в своем тексте. Теперь же я могу спросить (двигаясь обратно): а что он понял, когда читал текст Галилея? А он понял, что Галилей рассказывает, что он что-то с чем-то делал. У него смысл образовался, он его зафиксировал, а потом уже передал читателям, т.е. сообщил им: когда Галилей писал, он рассказывал, что он что-то с чем-то делал.

Спектор. Но если бы он набрался окаянства заявить, что Галилей еще и думал о чем-то...

Ничего подобного. Можете сказать: Галилей при этом, наверное, еще и думал, а кроме того, Галилей был большой ученый и реформатор, но все это к мышлению, зафиксированному в прочитанном мною тексте, не имеет ровно никакого отношения, а ситуация передается. Я очень многое могу получить из такого текста: был Галилей, он работал, писал тексты, при этом думал и т.п., т.е. текст этот весьма информативен (в классическом смысле), поскольку из него человек узнает массу вещей. Банально, правда, поскольку я это и раньше знал, но зато написано доступно, хорошим языком...

Шукин. А к какому идеалу должен стремиться человек, который все это выражает в тексте как в своем конечном продукте?

Если продукт такой, то я не знаю, поскольку меня сам этот продукт абсолютно не интересует, ибо он, на мой взгляд, никакой культурной ценности, в принципе, не имеет, хотя (я повторяю еще раз) это очень интересная книжка – и вот это весьма занятно. Более того, она даже нужна «в хозяйстве», – я, например, ею постоянно пользуюсь.

Итак, я рассматриваю только тексты, в которых зафиксировано мышление, ибо в том тексте, который мы разбирали, никакого мышления не зафиксировано, причем по определению, не должно или же, точнее, не могло быть зафиксировано, поскольку авторы этой книги мыслительной работы не проделывали, в принципе.

Пузырей. Но, между прочим, вы просматриваете эту книжку и даже пишете по поводу ее мыслительные тексты.

Я делаю вот что. Имеется текст, по поводу которого я напишу мыслительный текст (я могу даже проделать мыслительную работу), но эта мыслительная работа не имеет ровно никакого отношения к тем смыслам, которые зафиксированы в тексте книги. Я беру эту книгу как некоторый литературный факт, и я совершаю мыслительную работу не по поводу этого мыслительного содержания, а по поводу факта появления такой книги.

Пузырей. И появления в ней на определенных страницах каких-то выражений или смыслов... Это ведь, наверно, как-то организуется.

Нет.

Пузырей. Можно ли ставить задачу отыскания способа построения текста, который бы выражал, содержал адекватно мышление, вне соотношения с теми способами прочтения текста, – а следовательно, понимания и реконструкции того, что в нем есть, – которыми владеет читатель?

Нет, нельзя.

Пузырей. С чего же мы должны начинать?

Начинать нужно со всего. Есть единая ситуация. Есть текст, который будет прочитан. Мне нужно все: мыслитель, который, как я предполагаю, осуществил мышление; есть текст, в котором он должен был это мышление зафиксировать с тем, чтобы его транслировать; есть понимающий этот текст, тот, кто понимает и должен извлечь из текста мышление для того, чтобы его осуществить; а кроме того, есть вопрос, каким должен быть текст для того, чтобы это стало возможным.

Пузырей. Эти требования к тексту стоят как бы на пересечении.

Обязательно, – понимающего и говорящего. Причем позиция понимающего первична, позиция говорящего – вторична. Они, как вы заметили, принципиально неоднородны и несимметричны, поскольку проделывают разную работу.

Шукин. Приведу пример. Чтобы подмастерье был идеальным коммуникантом для мастера или же для подмастерья, который уже выучился и стал мастером, он должен знать стиль жизни мастера и воспринять

его. Он, следовательно, будет воспринимать какой-то мыслительный продукт, только накладывая его на что-то типа матрицы стиля жизни. Если он не будет знать этого стиля жизни (будет, например, воспитываться в другой среде), то он не сможет воспринять всю мыслительную конструкцию. Это будет тогда коммуникация, но здесь не будет трансляции.

Я понял, поэтому я сейчас сыграю на вашем примере. В первых, мастер со своими учениками вообще не разговаривает, он до этого никогда не «опускается». Он делает свое дело, а они глядят. Он транслирует деятельность в своем поведении. Если это оратор, то он произносит речь, но он не коммуницирует при этом со своими учениками, он просто делает свое дело. Его дело – говорить, и он, следовательно, говорение просто демонстрирует. Но, с другой стороны (вот что интересно), тогда нет никакого мышления, в принципе. Дело в том, что несмотря на все то, что я говорил и от чего я не отказываюсь, мы не должны забывать, что мышление-то рождается в коммуникации, и только в ней, а не в трансляции. Вот в чем здесь парадокс.

Спектор. *Я понял, вы ввели теперь ограничения: вы говорите уже о кооперации, а не о коммуникации. И в этом смысле ученик не коммуницирует, он находится в кооперации, «кооперируется».*

Нет. Там ситуация совсем другая. Мастер, осуществляя свою работу, имеет ученика, который учится, охватывая и ассимилируя деятельность учителя: он ее анализирует, выделяет в ней опорные точки, копирует, сопоставляет то, что он делает, с тем, что и как делает учитель, и т.д., а мастер только работает. Но тогда никакого мышления не будет, хотя будет анализ (у ученика). Мышление же возникает тогда, когда нужно коммуницировать в процессе трансляции, при этом возникает такая специфическая «штука», как мысль, и эту мысль надо зафиксировать в такой форме для коммуникации (и в процессе коммуникации), чтобы она на самом деле транслировалась, причем транслировалась как мысль. Вот тогда впервые появляется мысль, которая начинает транслироваться. Более подробно я обсуждал этот вопрос в прошлом году на лекциях в МТИППе²². Там я говорил о коммуникации, кооперации и трансляции, и на этом строил весь цикл лекций. Но сейчас я об-

²² [См. выше, с. 30, примеч. 7].

суждаю всего лишь один узкий вопрос, а именно – текст и мышление, мышление и текст. Каким должен быть текст, чтобы он фиксировал и репрезентировал мышление, мышление говорящего для слушающего и понимающего?

Пузырей. Мне кажется, вы сузились лишь на словах, потому что ситуация всегда, в принципе, остается такой, что в коммуникации нужно еще и учиться.

Я и говорил с самого начала, что это должна быть такая коммуникация, которая, по сути дела, есть трансляция. Ибо только тогда существует мышление.

Спектор. Но это возможно, на мой взгляд, только в кооперированной деятельности.

Смотрите, как хитро говорит Андрей. Он говорит: учить надо. Ну да, так здесь кооперация задана условиями обучения, но если я буду только демонстрировать мышление, я его не буду передавать. Вы сможете копировать мышление, но вы не будете получать его в тексте и через текст.

Вопрос заключается в следующем: мы пишем и говорим так, как мыслим, или же мы мыслим так, как пишем и говорим? Я бы, скорее, остановился на втором. Если брать все в такой оппозиции, я сказал бы, что второе мне ближе. Если же ни то, ни другое, то что?

Кстати, если мы возьмем традицию от А.Бине до К.Дункера, то, действительно, они доходят до этой оппозиции и спрашивают, что есть мышление – процесс или структура.

Максименко. Просто были такие задачи, которые позволяли даже это спрашивать.

Но ведь они спрашивали не потому, что у них были такие задачи, а потому, что они пользовались категориями структуры и процесса. Не существует такого процесса мышления, о котором вы говорите, его просто нет. Если нет структуры мышления, тогда нет и автора, который пишет. Вы говорите: я автор, я фиксирую в тексте свое мышление. А есть ли такая «вещь», как мое мышление?

Максименко. Это должно быть названо, но ничего делать с ним больше не нужно. Я говорю о процессе мышления.

Не знаю.

Иванова. *Здесь, вероятно, нужно исходить из двух пунктов: во-первых, из соотношения мышления и речи (из того, что вы сказали: мы пишем, как мыслим, или мыслим, как пишем, очевидно, что мышление не соответствует речи, но мы не можем сделать ни первого, ни второго, т.е. решить эту альтернативу каким-то средним образом); во-вторых, из того, что мышления индивидуума как такового не существует, потому что иногда он не осознает, что употребляемые им конструкции являются не его собственными, а списанными или взятыми откуда-то, т.е. не представляют его собственных процессов мышления. Иначе говоря, две трудности – несовпадение мышления и речи и несамостоятельность его собственного мышления – создают, в свою очередь, трудность в отнесении текста к тому мыслительному процессу, который автор может каким-то образом зафиксировать.*

А почему вы думаете, что есть речь?

Иванова. *А то, что вы назвали «пишет», разве это не речь?*

Мышление. Реально же, я предполагаю, никакой речи нет, ее просто не существует.

Иванова. *Но тогда под речью нужно понимать то, что он пишет. Ведь когда автор пишет, он же формулирует это как-то в словах.*

Вот это и есть мысль.

Иванова. *Но то, что он пишет, он мог бы и просто сказать. Что это будет в данном случае – мысль или речь?*

Та же самая мысль. Что же такое речь, я не знаю. Я думаю, что такого нет.

Иванова. *Очевидно, что то, что автор пишет и фиксирует, и то, что вы называете мыслью, это еще не вся мысль, ... не весь тот процесс, который происходит при написании текста, который стоит за тем, что пишется и фиксируется в словах.*

А что еще стоит?

Иванова. *То, что не может быть зафиксировано...*

Тогда для него нет ни речи, ни мышления. Это я могу понять. Раз он не фиксирует, значит, у него ни речи, ни мышления нет.

Иванова. *Одно дело – отрефлектированная мысль, а другое дело – та мысль, которая ускользнула и он не может ее поймать.*

А, может быть, это не мысль? Как мы можем выяснить, мысль это или не мысль, если она ускользнула?

Иванова. По-моему, вся трудность реконструкции мышления вытекает из того, что у нас сложились определенные традиционные представления, что не всякую мысль можно выразить.

Даже если отбросить эти традиционные представления, то все равно проблемы остаются. Если выбросить даже все эти термины – речь, мышление, взаимоотношение между речью и мышлением, – то все равно проблема остается.

Спектор. Как же они тогда даны?

Просто утверждается в исходном пункте: нет ни речи, ни мышления, а есть речевое мышление.

Иванова. Оно есть в вашей идеальной конструкции. У того же, кто пишет книжки, аналогичные той, которую вы нам показали, у него нет речевого мышления, но есть какие-то узловые моменты мышления. Если рассматривать структуру мышления, то тогда можно, вероятно, говорить о каких-то структурных единицах мышления.

У них просто нет речевого мышления – и все. У них есть нечто другое. Вы же говорите практически следующее. Если нам удастся зафиксировать в тексте порядок и последовательность основных ходов мысли, то этот текст будет транслятивен. В этом случае у меня, действительно, возражения никакого не будет, но это будет уже совсем другой разговор. Тогда мы должны задать вопрос, а что это за так называемые узловые моменты мышления? И, наверное, если мы так поставим вопрос, то эти узловые моменты мышления должны существовать независимо от того, осуществляем мы мышление или нет, они существуют как нечто должное.

Значит, мы опять возвращаемся к отношению «текст–мысль». Я представляю себе дело так. Кстати, это очень красиво выражал В.В.Давыдов на защите своей докторской диссертации.

Понятие мышления было сформировано в логике и философии при анализе текстов. Была некоторая объектная эмпирическая ситуация. Был текст, и надо было его реконструировать. А мышление либо содержалось в тексте, либо не содержалось, но это был атрибут текста. Вот так было введено понятие мышления. Было одно понятие мышления, и никакого другого понятия не было.

Потом же (надо найти виновников и подвергнуть их публичному наказанию, очевидно, это были люди очень беззаботные на предмет мышления) было взято это понятие и оторвано..., т.е. было понятие мышления, созданное как предмет, они же взяли слово, оторвали смысл (это было чистое словообразование) вне содержания и поместили слово с его значением в другой предмет, иначе говоря, стали показывать пальцем на голову и говорить: в ней происходит мышление, употребляя то слово, которое раньше служило для обозначения связки текста и всех остальных действий с ним. С этого момента начались страшные околонучные безобразия, которые изничтожили все то, что имело отношение к мышлению и науке. С точки зрения логоса это – недоразумение.

Пузырей. В психологии много таких недоразумений. Одно из них связано, например, с понятием ассоциации. Первоначально (в диалогах Платона) о них речь идет не как об описании того, как это в нас происходит, а как о предписании для построения прежней деятельности припоминания или чего-то другого. Затем же произошло такое смещение, аналогичное тому, о котором говорил Георгий Петрович.

Поэтому-то так важно и интересно обнаружить этих (может быть, невольных) злоумышленников и разобраться, что там происходило. Поэтому реально никакого мышления в психологии нет. Такого понятия нет, а потому предмета нет, причем это не значит, что не должно быть. Может быть, его нужно создать.

Несколько замечаний по поводу замечания Дмитрия Александровича [Аросьева] об ориентировке неправильно понимающего. Этот вопрос решается в обществе, на мой взгляд, следующим образом. Отношения социетальные, ситуативные поднимаются на уровень общих культурных норм, и им удовлетворяют независимо от Иванова, Петрова, Сидорова. Человек-то, в общем, живет и действует соответственно нормам культуры и заданным образцам или стандартам. А коммуникация в этом смысле (причем коммуникация во всех ее формах, в том числе и коммуникация, осуществляющая трансляцию) есть нечто сверхъестественное, в общем-то, пока что ненормальное. В истории человечества... люди не коммуницировали.

Шукин. Но сейчас-то мы ставим задачу передачи мышления, и поэтому без модели коммуниканта нельзя обойтись.

Если вы ставите задачу передачи мышления, то без модели коммуникантов и без топологии коммуникантов обойтись будет

нельзя. Это так. Но я-то как отвечаю: я не ставлю такой задачи, мне в конце-то концов на коммуниканта плевать.

Шукин. А может быть, авторам названной вами книги тоже плевать на коммуниканта, поэтому они такую книжку и написали.

Как раз наоборот, поскольку они очень заинтересованы в коммуниканте. Более того, у них-то коммуникант всегда будет и есть. Когда я говорю, что мне на коммуниканта плевать, это не означает, что я так лично к нему отношусь, это только значит, что человек должен, я так считаю, действовать, в том числе передавать мысль или фиксировать мысль, соответственно нормам своей деятельности. Если он это будет делать, он может претендовать на то, что в него не станут бросать камни, во всяком случае. Поэтому для меня вопрос стоит так: а, собственно говоря, каким же образом можно построить текст, чтобы в нем было зафиксировано адекватное, содержательное и недефицитное, следовательно, правильное мышление.

Шукин. Здесь проблема в том, что правильность мышления будет констатировать какой-то другой Георгий Петрович. Вы же будете ориентироваться на самого себя. Вы выделите список некоторых идеальных правил и будете по нему составлять текст, абсолютно не ориентируясь на коммуниканта. Идеальный коммуникант – это вы сами, который по настоящему может оценить любую «вещь». Зачем вам нужен тогда текст?

Дело в том, что я-то буду плевать на коммуниканта, и в результате я получу возможность строить такой текст, который все будут понимать и из которого все будут извлекать мышление. И это есть единственное условие для того, чтобы суметь строить правильный понимаемый текст.

Шукин. Как должен ваш текст влиять на тех людей, для которых вы пишете?

Они должны извлекать из него мышление.

Шукин. А свое мышление они из него не могут извлечь?

Пусть они это делают без моих текстов. Моя задача состоит только в передаче мышления, и от них я жду того же самого. Если я читаю, скажем, тексты Вадима Розина или Виталия Дубровского, то я, находясь в позиции понимающего, хочу извлечь оттуда, это моя субъективная установка, я хочу извлечь мышление Розина или

Дубровского и таким образом через них приобщиться к «духу», к логосу, поскольку я сам этого не могу. Мне нужен их талант, их творческое воображение, их мышление. Я, таким образом, предъявляю требование к их текстам, чтобы я мог на основе текста осуществить их мышление. Это я, находясь в роли понимающего, предъявляю такое требование.

Щукин. Вы ориентируетесь только на себя ... или же вы говорили, что ориентируетесь на общекультурный контекст? Предполагаете ли вы, что коммуникант будет воспитан в той же среде и сможет вас понять, если вы сможете правильно организовать свой текст?

Да.

Спектор. Тогда даже не обязательно требовать такого условия для правильной организации текста. Если мы воспитываемся в одних и тех же условиях, то мы и осуществляем подобное замечение.

Нет. Я осуществляю новый образец мышления. Зачем мне писать банальные тексты? Или: зачем им писать банальные тексты? Ведь они-то усвоили парадигмы мышления, эту культуру, а мышление и этот процесс мышления или эту структуру мышления они осуществили в первый раз, человечество еще такого не делало, хотя это есть не что иное, как мышление вообще. Но вот в этом мышлении вообще это появилось впервые. Я же хочу повторить их мышление на основе их текста, но для этого нужен их текст.

Аросьев. Текста, вероятно, будет мало. Нужно либо побыть их учеником, либо нужно поработать с ними некоторое время.

Не хочу, у меня нет времени. Не нужно этого. Я говорю поэтому: составьте и напишите такой текст, чтобы я мог осуществить ваше мышление, не будучи вашим учеником. Задача состоит просто в том, чтобы они задали некоторые правила писания текста, на основе которых я мог бы их понимать, поэтому не нужно меня изучать или писать специально для меня...

Щукин. Вы что, возьмете на себя подряд писать для людей, для каждого в отдельности?

Конечно, все люди работают так. Я не хочу иначе работать. Приведу одну старую модель. Люди общаются между собой, обращаясь к Богу. Есть другой всеобщий посредник – система культуры. Мне-то важно общаться именно через эту систему культуры. Более

того, так происходит всюду. Мы только потому можем ходить на свидание друг к другу, что у нас есть такой всеобщий эталон, как часы. Если бы мне приходилось для того, чтобы с кем-то встретиться, изучать каждый раз, в каких условиях формировалось его время, на этом моя жизнь на втором или третьем свидании закончилась бы.

Шукин. Мы, следовательно, должны спроектировать такую идеальную матрицу, на которую бы все это проецировалось. Но они ведь формируются только благодаря широкому статистическому исследованию, опять же культурному.

Почему? Ведь есть же совершенно другая точка зрения: если так говорят все, то это ошибка.

Шукин. Понимающий и коммуникант должны проецировать, по сути дела, одно и то же.

Они должны проецировать, и не то, что они и так, как все, проецируют, а нечто другое, то, что соответствует «духу». Они обязаны проецировать то, что соответствует «духу».

Шукин. Тогда вам нужно создать очень четкую теорию, чтобы они именно так себя и вели.

Иванова. А что означает выражение «соответствие духу»?

Богу. И это не будет стандартизация мышления, как вы думаете. Тогда лишь впервые станет возможным развитие мышления, потому что если нет единых норм, то вообще нет никакого мышления. А здесь оно будет идеально продуктивным. Правда, они должны представлять собой систему управления этим развитием. Они должны развиваться искусственно. Если они будут развиваться естественно, опять это приведет к хаосу, разрушению мышления.

Овсяник. По сути дела, когда мы ставим задачу проанализировать процесс мышления автора, мы тем самым предполагаем, что в данном тексте заложены такие нормы, которые уже нарушают, по сути дела, старые нормы. Или же по степени своего совершенства они находятся на более высоком уровне, поскольку читать текст, всецело ориентированный на одни и те же нормы, будет, вероятно, просто неинтересно. Кроме того, в данном случае будет происходить замыкание, то есть движение по кругу...

Нет, я сразу расслаиваю все это. Я говорю: с точки зрения формы этот текст должен целиком следовать всем обязательным нормам, а в своем содержании пусть он их нарушает.

Овсяник. Именно это я и имел в виду. Понимать текст с точки зрения формы мы можем, ориентируясь и на старые нормы; содержание же, которое несет текст, может и должно быть ориентировано на новые нормы.

Иванова. Должны ли мы использовать тексты великих мыслителей для конструирования новых норм?

Наверное.

Иванова. А каким образом мы должны их ассимилировать?

Сначала выучить, знать, как они это делали, и следовать этому,

Иванова. Следовательно, задача реконструкции мышления на основе каких-то текстов у нас остается?

Конечно. Но вы опять очень высоко берете. Есть, например, правило, что, начиная статью, нужно сформулировать проблему. Это относится именно к области норм. Многие авторы, однако, не следуют этому правилу. Я, однако, обсуждаю только те тексты, которые претендуют на то, что они содержат мышление. Скажем, Ницше и Бердяева я с этой точки зрения обсуждать не буду.

Иванова. Но ведь никто не делает такой заявки, когда пишет тексты. Или, может быть, все претендуют?

Нет, отнюдь не все.

Иванова. Тогда нужны классификации текстов.

Да, и есть много расширенных классификаций, притом очень интересных.

Иванова. Тогда оказывается, что одна часть будет заниматься мышлением, а другая часть человечества будет заниматься тем, что писать философские и художественные тексты.

Да, и ради Бога – пусть пишут. Дело в том, что вы, Лена, не соотносите это с некоторой реальной ситуацией, с тем, что тут называли «добыванием хлеба». Вы этого совершенно не учитываете, а эта самая ситуация добывания хлеба приводит к удивительной изопренности человеческого разума.

Например, есть человек, он – ассистент, и он четко определяет: через три года я должен быть профессором, т.е. пройти доцента, потом сделать и защитить докторскую; какого рода лекции я должен читать и как? И он реализует свою программу. И ради Бога, пусть он себе эту задачку и решает. Может быть, он тремя семьями обременен, ему нужно кормить шестерых детей. Я вполне понимаю его установку. Но из этих соображений пишут 90% всех пишущих, причем совершенно сознательно. А я, как редактор издательства Академии педагогических наук, говорю это с полной ответственностью, потому что 90% таких работ через меня проходило. За столько времени, сколько я редактировал статьи и книги, я столкнулся лишь с одним автором, которого интересовал написанный им текст по содержанию. Всех остальных писателей содержание вообще не интересовало. Им нужен был факт публикации. Я мог вписать прямо противоположное тому, что было в тексте, исходя из логической необходимости, а мне говорили: да, теперь лучше получилось. Главное, чтобы не уменьшилось по объему.

Другой пример. Когда Бертран Рассел писал свою книгу «Человеческое познание»²³, его абсолютно не интересовала истина, поскольку ему нужно было зарабатывать деньги – и все. Это же была классическая фигура, лауреат Нобелевской премии и философ с мировым именем. Содержание его, однако, нисколько не интересовало, а поэтому написанная им книжка не содержит мышления, будучи признана философским трудом. При этом – что интересно – он сам об этом сказал, следовательно, еще и публично посмеялся.

Точно так же, как в одном знаменитом журнале два физика, Гаммов и Бетов, приписав туда третьего физика Альфова, написали статью о законах право- и левовращения рогов у коров. А так как физики были очень известные, то эта статья была тут же опубликована и даже породила огромную литературу: ставились эксперименты, что-то доказывалось, хотя была она написано только ради «физики шутят». Все эти примеры были просто комментариями к вашему замечанию, они не относятся непосредственно к тому, что я хотел тут обсуждать, поэтому я двинусь несколько дальше.

Прежде всего, я здесь фиксирую, что подобно тому, как есть собственно синтаксическая правильность, а, кроме того, есть еще, скажем, законы стилистики и словоупотребления, которые относятся уже не к отдельному предложению (простому или распространенному), а к сложным комплексам текстов, – точно так же и логическая, или мыслительная, правильность

---

²³ [Б.Рассел. Человеческое познание. Его сфера и границы. М., 1957].

имеет целый ряд уровней. Первый уровень – это, скажем, правильное выделение отношения предикации в предложении. Можно набрать огромное количество текстов, в которых нужно только переставить слова – изменить актуальное членение, как говорят лингвисты, – чтобы адекватно понять мысль автора. Если читать так, как написано, понять невозможно, или же понимаешь нечто совершенно другое. Иногда же бывает сложнее: спрашиваешь автора, что он хотел сказать, он объясняет, и видишь, что там, действительно, вроде бы это сказано, но только *отношение предикации* отсутствует, а, следовательно, нет никого утверждения, т.е. правильного отношения к объекту. Это – один уровень, о котором я говорил. Точно так же есть определенные мыслительные правила построения группы предложений, есть правила выделения абзацев. И это – определенное средство мыслительной или логической выразительности текста.

Но я дальше буду обсуждать нечто иное. Я буду обсуждать членение, соответствующее той структуре мышления, которую здесь называли опорными точками, или узловыми точками. Чем они определяются? Здесь мы попадаем в область проблем соотношения процесса и структуры. Теперь я утверждаю следующее: текст, в принципе, не следует и не должен следовать процессу так называемого мышления. Если он будет следовать, то это будет плохой хаотичный текст, соответствующий плохой хаотичной мысли. Наоборот, *текст должен быть организован соответственно организации того предмета, который в нем должен быть выражен*. И уже дальше каждый отрезок текста, соответствующий выражению структуры, или организации предмета, должен быть построен таким образом, чтобы обеспечить содержательно адекватное выражение, воспроизведение или фиксацию соответствующего элемента или блока предмета. Здесь я фактически связываю то, что мы обсуждали сегодня, с тем, о чем я говорил на самых последних занятиях в ЦНИИПИ – о структуре предмета.

Если мы будем исходить из этого, то мы должны будем сказать в общем виде, что адекватным мысли будет тот текст, который фиксирует и демонстрирует, воспроизводит в легком для понимания виде (что это означает, мы будем обсуждать дальше) все необходимые элементы задаваемого предмета или предмета-мысли. Сколько в данном предмете есть элементов (а их может быть разное число), столько в этом тексте обязательно должно быть

частей, воспроизводящих все эти элементы. Если мы будем следовать этому принципу, мы сможем представить затем весь текст как систему вложенных друг в друга интервалов. Например, если речь идет о тексте, в котором фиксируется решение какой-то практической задачи, то нужно начинать с фиксации самой задачи и фиксацией решения заданной вначале задачи надо текст закончить. Поэтому фактически задача там присутствует в начале и в конце текста.

***Спектор.** В принципе, текст выступает как нечто организующее мышление, но не наоборот: мышление текст не порождает. Иначе говоря, текст является матрицей...*

Да, сейчас так я говорю.

***Спектор.** И вообще вся композиция текста первична по отношению к процессу мышления.*

Да, сам текст задан по отношению к структуре предмета, а уж задача вашего мышления, порождающего этот текст, состоит в том, чтобы удовлетворить этому нормативному требованию, и он должен быть построен так, чтобы получился текст, фиксирующий предмет в его нормативной структуре или каждый тип предмета в его нормативной структуре. И так, начало и конец текста должны соответствовать задаче, а дальше, если формулировке задачи соответствует указание на ситуацию, то, соответственно этому, следующий, как бы вложенный внутрь интервал будет соответствовать описанию ситуации, а описание ситуации, в свою очередь, должно быть структурировано соответственно всем необходимым элементам ситуации, причем необходимым относительно действия, или действия. Если я до сих пор говорил, что мышление есть деятельность, преобразующая содержание, или мышление есть преобразование содержания или единиц конструирования задач, то теперь я, фактически, говорю, что содержанием является предмет и работа с ним.

Но здесь есть два момента, к которым я потом вынужден буду вернуться. Здесь есть такая двойственность: есть предмет и есть само мышление как процесс, или мышление как деятельность. Они действительно в тексте увязаны, и предмет тоже содержит в себе моменты этой деятельности. Но! И это очень важно: сам процесс мышления ведь тоже должен найти отражение в тексте, а не только предмет. А процесс мышления не совпадает с предметом. Они как бы пе-

ресекаются, они *завязаны* на предмете в тексте, но в тексте-то будут моменты самого процесса мышления, соответствующего реконструкции или созданию этого предмета, и они тоже должны быть фиксированы. Но они должны быть фиксированы, если пользоваться названным здесь выше образом, вне этих узловых точек, т.е. узловые точки или узловая структура задают структуру предмета, воспроизводят все необходимые в нем элементы, а в промежутках между этими узловыми точками может фиксироваться сам процесс.

Спектор. *Он уже выступает как слоистый?*

Обязательно.

Спектор. *Как все это соотносится с той трехчленной схемой текста, которую вы предлагали раньше, когда предполагалось, что текст разбивается на мысль и объект? Предмет или предметность – это развитие тех представителей? Этот вопрос обсуждался вами два или три года назад. Текст был представлен тогда как две ортогональные сущности, в которых отображается мысль..*

Нет, это другое. Это уже особый вопрос. Это так называемые онтологические тексты. Там оперирование-то происходит, следовательно, нормы заданы, а предмет представлен как онтология. По сути дела, это вопрос: какие бывают типы предмета? Предметы могут быть разными, например, полный предмет, где репрезентированы все его элементы, начиная от проблем и эмпирических фактов и кончая онтологией, средствами, методом (или методологией) и т.д.

Спектор. *Это следует понимать так, что тема, которая обсуждается сейчас, т.е. текст и мышление, не предполагает объект, или мышление в данном контексте не предполагает объект, у мышления есть предмет.*

Да, мышление предметно, а предмет имеет определенное строение, определенную организацию. И вот текст будет правильным и содержащим мышление, если он будет последовательно, по очень жестким схемам задавать все элементы предмета.

Спектор. *Я не имею, следовательно, сейчас права говорить о том, что у мышления есть объект.*

Да, пока не имеете. Надо говорить только, что мышление предметно.

Максименко. Тогда все оказывается понятным, кроме одного момента. Получается, что то, что мы говорили о процессах мышления, вообще бессмысленно. Это происходит потому, что мышление нельзя представлять как процесс никоим образом, поскольку движение по тексту не будет никоим образом относиться к мышлению. Если это так, а вы это сейчас подтвердили, то тогда много процесса, относящегося к процессу мышления, не будет.

Нет.

Максименко. Там будут процессы понимания, которые очень специфичны, а именно тем, что у них тоже нет процессов, кроме какой-то временной смены...

Нет.

Пузырей. Вы говорили также, что мышление осуществляется через предмет, а здесь же на каждом шаге чтения текста наставляются только отдельные элементы предметности. Может быть, Валерий тоже об этом говорил? Во всяком случае, здесь нет мышления, поскольку нет еще предметности.

В каком-то смысле вы правы, но рассматривайте это как сознательно сформулированный парадокс...

Итак, я поставил вопрос следующим образом; каким образом должен быть задан, организован, создан текст, чтобы он передавал мышление и заставлял человека, понимающего этот текст, осуществить соответствующий ему процесс мышления. Тут говорили, что для этого текст должен соответствовать процессу мышления (неважно, что это неточно, – мне все это нужно для игры). Я вроде бы говорю: плевать я хотел на процесс мышления, и вообще он меня не интересует, хотя я его должен организовать и направить. Но чтобы сделать это, т.е. организовать и направить процесс мышления, мы должны взять установку на презентацию, или представление в тексте структуры или организации предмета, и если мы добьемся того, что в тексте предмет будет зафиксирован, то тем самым мы добьемся организации мышления понимающего. Это – первый абстрактный тезис. Потом я поправился, причем несколько раз. Во-первых, я скажу, что это справедливо для научно-теоретического мышления, ибо только оно предметно, а методологическое, скажем, если и предметно, то в другом смысле. Во-вторых, я скажу, что выражение предмета

есть удовлетворение некоторому абстрактному общему принципу, это необходимое условие трансляции мышления, организации его. Но очень часто этого оказывается недостаточно, и текст должен быть во многом избыточным, намного избыточным, и он должен, задав скелет строения предмета, содержать также организацию самих процессов как таковых через дополнительные элементы. Представьте себе эти узловые точки, а внутри пух-перо; так вот настоящий текст – это обязательно текст, содержащий «пух-перо», и можно, наоборот, показать, что «чистые» тексты, содержащие предметную структуру, не коммуникативны и поэтому не транслятивны. Они, будучи идеально транслятивны, не выполняют своего назначения, поскольку не содержат, казалось бы, избыточного, но тоже очень важного коммуникативного момента. Под «пухом-пером» я имею в виду так называемую человечность. Вот вы читаете, например, мой текст и говорите: зануда, я его читать не буду, хотя он пишет, может быть, абсолютно правильно.

Иванова. Мне кажется, что недостаточно зафиксировать в тексте схему предмета, поскольку сама предметность – это не только схема предмета, но еще и то содержание, которое живет в этой схеме, функционирует в ней. Задание одной схемы предмета не означает еще, что текст будет передавать и фиксировать мышление.

Овсяник. Предмет и блоки предмета и есть то содержание, которое фиксируется в тексте. Речь же в данном случае идет уже о том, что одна и та же схема предмета может наполняться одним материалом или же разными типами материала. Третьего пока здесь не видно.

Предположим, я говорю: табуретка. Вы меня спрашиваете: разве табуретка сводится к слову «табуретка»? Я ведь употребил только слово. А что я там мыслил при этом, черт его знает. Когда я говорю о предметности, я задаю предметность через схему. Других способов задания я не знаю. Мысль же ваша мне понятна.

Итак, если понятно все, я фиксирую следующий момент. Анализ разнообразных текстов с этой точки зрения обнаруживает удивительную неоднородность подобных образований. Вот читаешь текст, вроде начинается передача мыслительного процесса. Как будто автор знает набор этих блоков и начинает по ним двигаться. А потом вдруг возникает потеря однородности в задании самой ситуации и предмета, т.е. автор поднимается на

более высокий уровень обобщения, скажем, одни блоки он задает в одном уровне обобщения, а другие блоки – в другом уровне обобщения, одни он задает на уровне объектности и операций, а другие – только на уровне смыслов, да еще в разных культурных традициях.

Я, правда, имею в виду более занятные случаи. Так, например, Вадим Розин сделал очень интересную работу, которая, на мой взгляд, является классической, и опубликовал статью²⁴. Он строил модели и, соблюдая все уровни предметности, работал на моделях. Эмпирический материал анализировался ради построения этих моделей и возможностей конструктивного или оперативного развертывания их. Он рассматривал все это с точки зрения знака, знаний, объектов оперирований, операций и т.д. соответственно схемам многоплоскостного знания. Там его значения не интересовали в принципе, поскольку значения были связями отнесения.

Далее, он пишет другие статьи по возникающим перед ним новым проблемам. Теперь он выступает на конференции по семантике, где основной проблемой является значение. Он, видимо, представляет себе дело следующим образом: вот есть у меня эта работа, теперь ее надо переосмыслить с точки зрения значений и написать статью. При этом он знает, что «связочки» называются значениями, вот в том контексте, когда он анализировал структуру знаний, операций и т.д.

И он начинает теперь обсуждать свои старые схемы, не строя моделей значения, не задавая значения как моделируемые объекты, не вводя конструктивных операций и преобразований на этот уровень, а имея в виду те свои структуры, те преобразования, которые делались для единиц другого класса, и теперь он описывает их на смысловом уровне. Он говорит, что он в тех работах описал значение, и глядя на то, что у него было в том тексте, он говорит: можно предположить, что значения изменяются так-то, так-то и так-то. Спрашивается, откуда он получил это свое знание.

Иванова. Из того представления о значении, которое он имел и зафиксировал в первом тексте, или же которое вытекает из первого текста.

На том тексте и на той работе вообще про значение ничего нельзя говорить, там же это не моделировалось. Поэтому в новой работе, которую написал Розин, никакого предмета уже не

---

²⁴ [В.М.Розин. Семантический анализ знаковых средств математики // Семантика и восточные языки. М.,1967].

было, в то время как в первой статье такой предмет был, и была проделана большая работа.

Спектор. Когда мы обсуждали проблему предмета, мы никогда не говорили о том, что предмет всегда конституируется через какое-то одно особое начало, интенцию, ради которой он строится, или же для которой строится та или иная модель. Мы говорили о предмете как организации многих блоков. И если значения получили свою определенность в первом предмете, то Розин имеет право обсуждать значение, сохраняя ту же предметность.

В том-то и дело, что нет.

Спектор. Тогда какой смысл имеет обсуждение единства всех актуально данных нам блоков...

Повторю. Есть схема предмета. Я могу с точки зрения этой схемы проанализировать все элементы текста Розина: вот он сформулировал проблему, вот он задал факты, вот он строил модели, вот у него была онтологическая картина, язык, средства, и он получил некоторые знания. Теперь я спрашиваю: что было предметом изучения Розина? Слово «предмет» сейчас употребляется в другом смысле: что было предметом изучения? Им были схемы знаний, схемы знаков (или знаки с их различениями). Значения же как таковые предметом изучения не были, поскольку они не изображались в онтологии значений, не были созданы модели значений, не были зафиксированы факты, характеризующие «жизнь» значений, и не могло быть никаких знаний о значениях. Поясню еще раз. Там предметом было знание, которое было изображено в таких схемах, в которых были значки знаковой формы, значки содержания и значки значений. Значение как таковое предметом изучения не было, значения как особые сущности не моделировались, они там присутствовали в его моделирующих схемах...

Спектор. И тем самым получали свою определенность.

Нет, они получали определенность как элементы модели, но не как естественные образования в объекте и не как объекты.

Максименко. Значения не были сконструированы в их «жизни значений». Они, однако, были наименованы, а, следовательно, были определенным образом проденотатированы.

Нет, не следует. Они были проименованы, но это были имена элементов моделей, поэтому единственное, что Розин может рассказать в рефлексии, как он словом «значение» работал, моделируя знание. Про значения же он ничего сказать не может. И тогда вся работа не имеет ровно никакого смысла. Работа приобретает смысл только тогда, когда происходит то, что может быть названо перепредмечиванием. Ведь нужно же построить такую «вещь», как предмет для значения. Если бы Розин, исходя из своей работы, проделал бы работу по осуществлению перепредмечивания, – а он фактически сделал то же самое, что сделали некие психологи со словом «мышление»...

Спектор. Но у них ничего не получилось.

И у него ничего не получилось. Семантика занимается изменением значений. Чтобы высказывать нечто содержательное про изменение значений, нужно построить такой предмет, в котором фиксировались бы изменения значения. Что это значит? Это значит, что должны быть какие-то факты, связанные с изменениями, он должны быть особым образом зафиксированы, должна быть построена онтологическая картина специально для значений, учитывающая их изменения, должны быть построены модели изменения значения, должны быть соответствующие средства и должен быть метод. Потом это должно быть зафиксировано как проблема, а после этого должно получиться знание. Причем между всеми блоками должны существовать соответствия. Теперь я спрашиваю: есть у Розина такой предмет? У него такого предмета нет, но тогда возникает вопрос, что же у него есть. У него есть предмет, в котором он изучал знание. Ему кажется, что если он изучал знание и при этом в ходе изучения знания в последовательности его моделей у него каким-то образом преобразовывались, трансформировались значки значений, то он, глядя на это, может сказать, что они изменяются таким-то образом. На это я отвечаю: ничего подобного. Теперь же я задаю вопрос: при каких же условиях, при работе с каким предметом и при каких отношениях между исходным предметом и другими предметами допустимы те или иные выводы из одного предмета в другой, если, фактически, перепредмечивание не совершается.

Спектор. Я не понимаю, почему здесь нужно делать упрек Розину. Если он полагает, что у значения нет такого статуса для того, чтобы отвечать требованиям, о которых вы говорили, то это его личное дело.

Но тогда вот что интересно. Оказывается, что в таком случае нет проблемы. В чем, собственно говоря, проблема, если у него есть серия моделей, и на ней он видит, что происходило со значениями, вернее, что он с этими значками делал. Все это не имеет никакого содержательного смысла. А в результате получаются удивительные тексты, которые не содержат мышления. Он вообще не строит предмета, он работает на эмпирическом материале своих моделей. Что он, собственно говоря, делает? Он смотрит и видит, «видит» в смысле понимает: было то-то, и его текст становится точно таким же, как текст, который мы разбирали. Вот он поглядел, понял, и то, что понял, он сообщает. Обратите внимание на интересную вещь. Вот человек работал с каким-то набором проблем, строил для них предметы (в рамках более широких предметов или как самостоятельные). Для этого ему нужна была мыслительная работа, он ее осуществлял. Этих предметов у него стало достаточно много (шесть, семь или восемь). Что он начинает делать потом? Ему больше не нужно мыслить, потому что теперь перед ним мир, полный богатейших смыслов. Он теперь смотрит на свои конструкции, соотносит одно с другим и понимает. Он понимает, что одно – это не другое, между одним и другим есть такое-то различие, одно можно соотносить с третьим вот так-то, а с четвертым иначе и т.д. Причем этого может хватить на всю жизнь. И в этом смысле мы имеем дело с чисто описательной понимающей литературой. Это понимание, основанное на богатстве накопленных содержаний. В этой проблематике исчезает разница между проблематизированным содержанием, проблемой как таковой, содержанием на уровне эмпирических фактов, которые должны быть переведены в форму моделей, а потом через онтологию и метод – в форму теоретического знания. Если предмет уравновешен и построен, то дальше можно двигаться к любым его элементам, понимая любые соотношения и фиксируя их. Иначе говоря, в данном случае исчезает, в принципе, само мышление как определенного рода мыслительная работа.

Спектор. За счет чего же происходит богатство такого смыслообразования?

За счет того, что много вещей в горнице, а у каждой вещи есть еще ручки и ножки.

Овсяник. Но ведь, в конце концов, такое размножение предметов должно где-то закончиться. Почему же мы не можем выделить несколько предметов и через них смотреть на мир?

Да, через них он видит весь остальной мир, и всегда все укладывается. Несколько предметов дают такое разнообразие, богатство разнообразий, что мыслить далее, создавая модели, больше не нужно. Если имеешь набор моделей как познанных конструктивных образований, и дальнейшая задача состоит лишь в том, чтобы понимать их. Вот и все.

Овсяник. Почему же это плохо, если модели превратились в некоторого рода оперативные системы...

Никаких оперативных систем здесь нет. Табуретка – это не оперативная система. Я вот вижу ее и говорю, что у нее четыре ножки...

Овсяник. Но ведь можно считать, что он описал способ употребления табуретки.

Если бы он описывал способ употребления табуретки, это было бы совсем иначе. Они расходятся по разным уровням. Я говорил, что он, вроде бы, смотрит на свои модели, а говорит про значения – не про черточки значений на своих схемах, а про значения (по каким законам они живут).

Интересно то, что мы, однако, не снимаем проблему понимания. Дело в том, что теперь нужно специально рассматривать, что же это за работа, такая и постараться ее вообще понять. Я подчеркну еще раз то, что мне важно было сегодня. Я отнюдь не считаю эту тему законченной, к ней надо будет еще вернуться, но уже не в форме моего говорения; нам, видимо, всем надо обдумать это, если мы хотим научиться писать тексты.

Ибо дальше возникает следующий вопрос: что значит репрезентировать факт? Что значит, что должна быть зафиксирована проблема? Что значит зафиксировать расхождение между онтологией и моделью, моделью и фактами? Иначе говоря, весь круг вопросов, касающихся работы с предметом. Но это, опять-таки, должно быть рассмотрено под определенным углом зрения, а именно: какое это имеет отношение к тексту. Как в тексте репрезентируется предмет? Это должно быть тщательно продумано. Отработать, как в средние века, где существовала жесткая форма спора (те-

зис – антитезис – аргументация и т.д.). В принципе, современная наука и научная исследовательская работа подчиняется и должна подчиняться жесткой регламентации: вот есть постановка проблемы, вот есть фиксация понятий, схематизация соответствующего смысла, есть обнаружение фактов (если мы знаем, что такое факт), вот есть соотнесение факта с онтологией и фиксация новой проблемы и т.д. Здесь, следовательно, есть сложнейшая процедура работы со своей предметной машиной. Без отработки всех этих элементов и четкого знания сущности самих процедур человек, в принципе, не может считаться имеющим квалификацию научного работника.